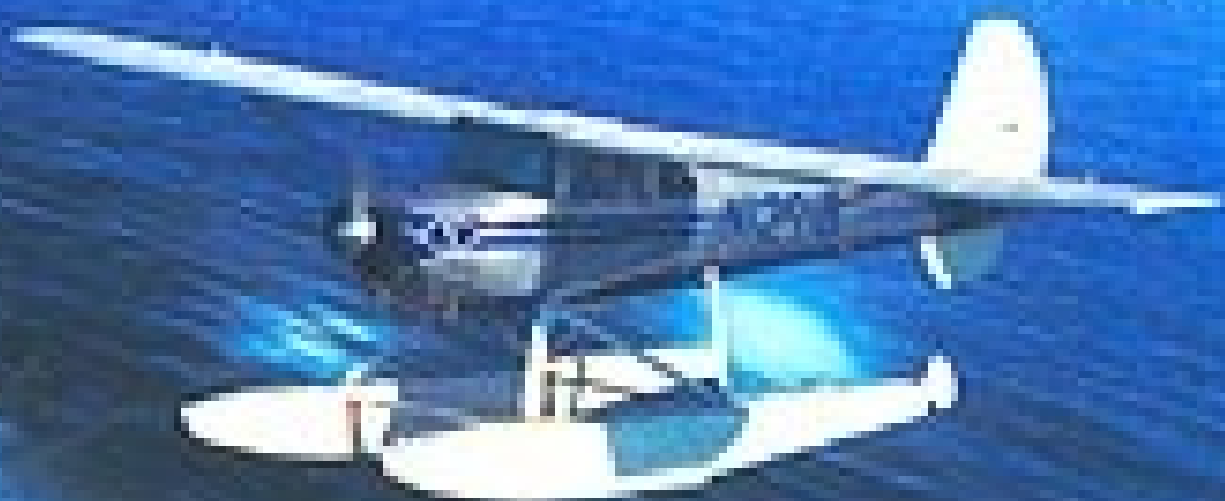

Рыцарь Бах

Единственная

«Мое подсознание по ночам постоянно разрушало мой сон.

- А вдруг ты найдешь путь в эти параллельные миры, - нашептывало оно. - Вдруг ты сможешь встретить Лесли и Ричарда еще до того, как ты совершил свои самые страшные ошибки и свои лучшие поступки? А вдруг ты сможешь предостеречь, поблагодарить или спросить их о чем-нибудь важном? Что они могут знать о жизни, о юности и старости, о смерти, о карьере, о любви к родине, о мире и войне, чувстве ответственности, о выборе и его последствиях, о том мире, который ты считаешь реальным?

Но разум-призрак никогда не спит, и я слышу шелест страниц, перелистываемых в моем сне.

Сейчас я проснулся, но вопросы остались. Правда ли, что наш выбор действительно изменяет наши миры? А что, если наука окажется права?»

Ричард и Лесли Бах

Единственная

Мы прошли долгий путь, не так ли?

Предисловие к русскому изданию

Во время нашей первой встречи нас разделял занавес – нет, не железный – это был занавес одного из лучших концертных залов лос-анджелеса, «Шрайн Одиторум». Ваши танцоры были просто великолепны! В конце выступления зал взорвался овацией, все кричали «браво», «бис», нас наполняли любовь и радость.

В те дни в Америке все были без ума от твиста, – и вот вы вышли на бис и сплясали нам... Твист! Зрители хохотали до упаду – кто бы мог подумать, что такие мастера могут танцевать этот незатейливый, но чисто американский танец, да так здорово! В ответ на новый шквал аплодисментов вы подарили нам «Вирджиния рил!», Американский «казачок», и это опять тронуло наши сердца, мы поняли, что вы очень хорошо знаете нас, и мы тоже знаем вас прекрасно.

Мы вскочили, плача от радости и смеясь. Американцы посылали воздушные поцелуи советским людям, советские – американцам. Нас объединила любовь.

С этого момента мы увидели вашу красоту и элегантность, ваш юмор и обаяние. Какие бы проклятия и угрозы ни посылали друг другу лидеры наших стран... Вы стали нами, а мы – вами, у нас больше не было сомнений.

С тех пор мы никогда не забывали о вас. Всякий раз, когда занавес поднимался, мы зачарованно смотрели на вас и мечтали, что придет день и занавес исчезнет, и тогда наши встречи перестанут быть мимолетными. И вот этот день настал.

Исчезли стены, разделявшие нас, и мы, как близнецы, разлученные с детства, бросаемся друг к другу в объятия, смеясь и плача от радости. Мы снова вместе! Как много мы должны сказать друг другу! И все – прямо сейчас, в эту самую секунду, ведь и так уже много времени растрчено понапрасну, а слова слишком неторопливы, чтобы выразить ими, как мы рады возможности наконец прикоснуться друг к другу.

Мы писали «единственную», надеясь, что этот день когда-нибудь придет, но были совершенно поражены, узнав, что книга переведена на русский язык, – наша мечта сбылась!

Мы еще могли поверить в то, что наши необычные приключения могут заинтересовать кого-то в Америке. Но каково нам было увидеть, что заложенные в этой книге идеи воплощаются в жизнь всем советским народом и вашим президентом, политиком-провидцем, по праву ставшим всемирным героем... Может быть, где-то на жизненном пути мы оступились и случайно шагнули в мир, в котором воображение победило страх?

Мы с волнением следим за тем, как наши народы пытаются использовать этот шанс. Мы следим за этим, затаив дыхание.

Вот наша сокровенная мечта: пусть эта маленькая книжка, наш подарок вам, станет сценой, на которую ваши мечты выйдут вместе с нашими, и пусть поднимающийся сейчас занавес никогда уже не опускается.

*Ричард Бах
Лесли Парриш-Бах*

*Штат Вирджиния,
Лето 1989 года.*

Когда мы впервые встретились двадцать пять лет тому назад, я был летчиком, зачарованным пилотом, пытавшимся в показаниях приборов разглядеть смысл жизни. Двадцать лет назад крылья чайки распахнула перед нами совершенно необычный мир, заполненный жаждой полета и стремлением к совершенству. Десять лет назад мы встретились с Мессией и узнали, что он живет в каждом из нас. И все же вы прекрасно понимали, что я был одинок и о чем бы ни говорил, в душе я всегда оставался летчиком, прокладывавшим по жизни летный курс.

И вы были правы.

Наконец, я поверил в то, что узнал вас достаточно хорошо, чтобы вы могли разделить со мной все приключения, со счастливым и не очень счастливым концом. Вы начинаете осознавать, как устроен мир? Я – тоже. Вы чувствуете безмерное одиночество и беспокойство от всего того, что вы видели в этом мире? Я – тоже. Вы всю жизнь искали ту единственную и неповторимую любовь. Я тоже искал и нашел ее, и в своей книге «Мост через вечность» я познакомил вас с ней – Лесли Парриш-Бах.

Теперь мы пишем вместе. Лесли и я. Мы стали Рилесчардли уже точно не разобрать, где кончается один и начинается другой.

После «Моста» семья наших читателей стала нам еще ближе. К пытливым искателям приключений, отправлявшимся вместе со мной в небо в моих первых книгах, добавились те, кто мечтает о любви, и те, кто нашел ее – наша жизнь, как зеркало, отразила их жизни, об этом они пишут нам снова и снова. Может быть, мы все меняемся, видя свое отражение в других?

Обычно мы разбираем нашу почту на кухне, один читает письма вслух, пока другой готовит что-нибудь вкусненькое. Иногда, читая их, мы так хохочем, что салат валится в суп, а иногда мы плачем, и от этого еда становится горько-соленой.

Как-то жарким днем нас заморозило вот такое ледяное письмо:

«Вы помните Ричарда из альтернативной жизни, о котором вы говорили в книге „Мост через вечность“? Он убежал, не желая отказаться от своих поклонниц ради Лесли. Мне кажется, вам будет интересно прочесть это письмо потому, что я и есть тот самый человек, и я знаю, что случилось потом...»

То, что мы прочли, было просто поразительно. Он, тоже писатель, неожиданно разбогател, опубликовав бестселлер, а потом у него появились проблемы с налоговым управлением. И он тоже бросил поиски той единственной, разменяв ее на многих.

Потом он встретил женщину, полюбившую его таким, какой он есть, и со временем она поставила его перед выбором: или она будет единственной в его жизни, или в его жизни ее не будет совсем. Когда-то Лесли предложила мне точно такой же выбор, так что наш читатель оказался на той же развилке жизненных дорог.

На этой развилке я выбрал дорогу, где меня ожидали человеческая близость и теплота.

Он повернул в другую сторону. Улетел от женщины, любившей его, и, бросив свой особняк и личный самолет, укрылся от налоговых инспекторов в Новой Зеландии (где, кстати, чуть было ни оказался и я). Он продолжал:

"...я пишу, и мои книги охотно покупают. У меня есть виллы в Окленде, Мадриде и Сингапуре. Я путешествую по миру, правда, в США мне появляться нельзя. И никого к себе слишком близко не подпускаю.

Но я по-прежнему думаю о своей Лауре. Как бы все сложилось, если бы я воспользовался тем шансом? Может быть, «Мост через вечность» – это и есть ответ на мой вопрос? А вы попрежнему вместе? Правильно ли я сделал выбор? А вы?..."

Сейчас он – мультимиллионер, осуществивший все свои мечты, и весь мир вроде бы лежит у его ног, но, дочитав это письмо, я смахнул нечаянную слезу и увидел, что Лесли, уронив голову на руки, плачет навзрыд.

Долго нам казалось, что мы его выдумали, что он – просто призрак, живущий в возможном, но неведомом нам ином измерении. Однако после этого письма мы не могли найти себе места, словно в нашу дверь позвонили, а мы не можем ее открыть.

Затем (вот занятное совпадение), я прочитал маленькую странную книжку «Объяснение квантовой механики на основе множественности миров». Да, действительно, существует множество миров, говорится в ней. Каждую секунду привычный нам мир расщепляется на бесконечное множество других миров, имеющих иное будущее и иное прошлое.

Физика утверждает, что Ричард, решивший убежать от Лесли, вовсе не исчез на том жизненном перекрестке, круто изменившем направление всей моей жизни. Он существует. Только уже в альтернативном мире, движущемся параллельно нашему. В том мире Лесли Парриш тоже выбрала иную жизнь: Ричард Бах вовсе не ее муж, она отказалась от него, узнав, что он несет с собой не радостную любовь, а лишь бесконечное горе.

После «Множественности миров» мое подсознание по ночам постоянно перечитывало эту книжку и норовило влезть в мой сон.

– А вдруг ты сможешь проникнуть в эти параллельные миры, – нашептывало оно. – Вдруг ты сможешь встретить Лесли и Ричарда еще до того, как ты совершил свои самые страшные ошибки и свои лучшие поступки? А вдруг ты сможешь предостеречь их, поблагодарить их или спросить о том, на что у тебя хватит смелости? Интересно, что они знают о рождении, жизни и смерти, карьере, любви к Родине, мире и войне, чувстве ответственности, свободе выбора и последствиях своего выбора, о том мире, который, на твой взгляд, реален?

– Исчезни, – отвечал я.

– Ты думаешь, что не принадлежишь этому миру, полному войн и разрушений, ненависти и насилия? Почему же ты живешь в нем?

– Дай поспать, – просил я.

– Ну ладно, спокойной ночи, – отвечало подсознание.

Но оно никогда не спит, и мои сны наполняются шорохом перелистываемых страниц.

Сейчас я проснулся, и все же эти вопросы остались. Правда ли, что делая выбор, мы целиком изменяем наши миры? А вдруг наука окажется права?

Наш гидросамолет, сверкающий, как кусочек радуги на снегу, плавно перевалил через подернутые дымкой горы и заскользил вниз. В полуденном мареве под нами раскинулась гигантская бетонная вафля – это пекся на солнце Лос-Анджелес.

– Сколько нам еще осталось, дорогая? – спросил я в интерфон. Лесли посмотрела на шкалу радиодальномера и сказала: "32 мили или 15 минут полета. Соединяю тебя с диспетчером Лос-Анджелеса".

– Спасибо, – сказал я и улыбнулся. Как сильно мы изменились с тех пор, как нашли друг друга. Она ужасно боялась полета, а теперь сама стала настоящей летчицей. Я ужасно боялся женитьбы, но вот уже одиннадцать лет как стал ее мужем, и все еще чувствую себя счастливым влюбленным, спешащим на первое свидание.

– Вызываю диспетчерскую Лос-Анджелеса, – сказал я в микрофон. – Говорит Мартин Сиберд 14 Bravo. (Мы прозвали наш гидросамолет «Ворчуном», но диспетчеру я назвал наши официальные позывные).

Отчего же, подумал я, нам так повезло, и мы живем так, как в детстве и мечтать не могли. Десятилетиями мы принимали вызов, брошенный судьбой, совершали ошибки и учились на них, и вот на смену тяжелым временам пришла наша сказочная жизнь.

– Мартин 14 Bravo, – ответила диспетчерская, – ваш посадочный номер 4645.

Какова была вероятность, что мы найдем друг друга, эта замечательная женщина и я, что наши пути пересекутся и мы пойдем дальше одной дорогой? Что из незнакомцев мы превратимся в неразлучных друзей?

Сейчас мы летели в Спринг Хилл на встречу ученых, занимающихся проблемами, требующими предельного напряжения творческой мысли: наука и сознание, война и мир, будущее планеты.

– Это наш номер? – спросила Лесли.

– Да, так какой он?

Она повернула голову, в ее глазах светилась радость и любовь. «А ты сам помнишь?»

– 4645.

– Вот, – сказала она. – Ну что бы ты без меня делал?

Больше я ничего не успел услышать, потому что мир неожиданно изменился.

За свою летную жизнь я выставлял номер в посадочном радиоответчике много раз – тысяч десять, не меньше. Но в тот полдень, когда в его окошечке начали появляться по очереди: 4 6 4 5, в кабине раздалось странное гудение, которое стремительно перешло в визг, а затем нас потряхнуло, будто мы попали в восходящий поток, и кабину залил ослепительный золотистый свет.

Лесли закричала: "РИЧАРД!"

Она смотрела вперед, широко раскрыв глаза от изумления.

– Не волнуйся, дорогая, – успокоил я ее, – это просто воздушная...

Тут я осекся, потому что увидел сам.

Лос-Анджелес исчез.

Город, раскинувшийся перед нами на всю ширину горизонта, и окружающие его горы, и укутавшая его дымка смога...

Исчезли.

Небо стало васильковым, глубоким и холодным. Под нами вместо автомагистралей, торговых центров и крыш раскинулось бескрайнее море – отражение неба. Оно было цвета анютиных глазок – явно не океанские глубины, а мелководе, метра два от силы. Дно было

покрыто голубым песком, расцвеченным золотыми и серебряными узорами.

– А где Лос-Анджелес? – спросил я. – Ты видишь...? Скажи мне, что ты видишь?

– Кругом вода. Мы над океаном! Ричи, что случилось?

– Понятия не имею! – сказал я, совершенно сбитый с толку.

Я проверил приборы. Все было в порядке, только стрелка магнитного компаса лениво вращалась по кругу, позабыв про север и про юг. Лесли сказала, что не работает радиодальномер. Я, как мог, попытался подвести итог нашей проверке. Ну, ладно, бог с ней, с этой электронной штукой, но как мог отказать компас, единственный безотказный прибор?

Попытка вызвать диспетчерскую Лос-Анджелеса ничего не дала, а точнее, принесла ошеломляющую новость – эфир молчал. Я крутил ручку настройки, но в наушниках слышался только треск статического электричества.

В ожидании ответа я смотрел вниз. Казалось, что по песчаному дну струятся светящиеся реки. Их течение распадалось на бесчисленные рукава, связанные между собой притоками и каналами, и вся эта сложная геометрическая картина мерцала под водой на глубине нескольких футов.

Инстинктивно я начал набирать высоту, надеясь оттуда уловить хоть какой-нибудь намек на мир, который мы потеряли. Но картина не изменилась: миля за милей тянулась бесконечная отмель, на которой, как в калейдоскопе, узоры никогда не повторялись. Ни гор, ни островов, ни солнца, ни облаков, ни лодки, ни одной живой души.

Лесли постучала по стеклу датчика запаса топлива. «Похоже, мы его совсем не расходует». Действительно, стрелка давно уже замерла, показывая чуть меньше полбака.

– Скорее всего заклинило поплавков. Бензина еще часа на два полета, но я хотел бы оставить его на потом.

Она оглядела пустой горизонт. «Где будем садиться?»

– А какая разница?

Море под нами искрилось, зачаровывая своими таинственными узорами. Я сбросил газ, и гидросамолет плавно заскользил вниз. Мы всматривались в удивительный морской пейзаж, и вдруг на дне сверкнули две яркие полосы. Вначале они шли сами по себе, потом стали параллельными и, наконец, слились в одну. От них во все стороны, подобно ветвям ивы, отходили тысячи маленьких дорожек.

Этому должна быть какая-то причина, подумал я. Они появились не случайно. Может быть, это потоки лавы? Или подводные дороги?

Лесли взяла меня за руку. «Ричи, – сказала она тихо и печально, – а может быть, мы с тобой умерли? Столкнулись с чем-нибудь в воздухе и погибли? Или началась война?»

В нашей семье я считаю экспертом по загробной жизни, но мне такое даже в голову не приходило... А что тогда здесь делает наш Ворчун? В книгах о жизни после смерти ничего не говорится о том, что при этом даже не меняется давление масла в двигателе.

– Ты чувствуешь себя покойником?

– Нет.

– И я нет.

Мы летели над этими параллельными дорожками на небольшой высоте, проверяя, нет ли там коралловых рифов или затопленных бревен. Даже после смерти не хочется разбиваться при посадке.

– Но моя жизнь так и не промелькнула у меня перед глазами. Хорошо. Если мы умерли, то умерли вместе. Хоть в этом наши планы осуществились. А вообще, в книгах все это описывалось по-другому.

Я всегда думал, что смерть – это новый творческий подход к миру, дающий иное понимание его, освобождение от оков материи, выход из тупика примитивных представлений о ней. Откуда нам было знать, что это

– полет над бескрайним лазурным океаном?

Наконец все было проверено, и мы могли садиться. Лесли указала на две яркие дорожки: «Они похожи на неразлучных друзей».

– Может быть, это взлетные дорожки, – сказал я. – Пожалуй, лучше всего сесть прямо на них в том месте, где они сливаются. Готова к посадке?

– Вроде да.

Ворчун коснулся гребней волн и превратился в гоночную лодку, летящую в облаке брызг. Я сбросил газ, и за шумом волн гул двигателя стал совсем не слышен.

Затем вода исчезла, а вместе с ней и наш самолет. Вокруг нас неясно виднелись крыши домов, пальмовые деревья и, впереди, стена какого-то здания с большими окнами.

– ОСТОРОЖНО!

В следующее мгновение мы очутились внутри этого дома, ошарашенные, но целые и невредимые. Мы стояли в длинном коридоре. Я притянул Лесли к себе.

– С тобой все в порядке? – спросили мы одновременно, даже не переведя дыхания.

– Да! – так же одновременно ответили мы друг другу. – Ни царапины! А у тебя? Все в порядке!

Окно в конце коридора и стена, сквозь которую мы пронеслись, как ракеты, оказались целыми. Во всем здании не видно ни души, не слышно ни звука.

Не в силах этого понять я воскликнул: «Черт побери, да что же происходит?»

– Ричи, – тихо сказала Лесли и удивленно оглянулась. – Мне это место знакомо. Мы здесь уже были.

Я тоже огляделся. Коридор со множеством дверей, кирпичного цвета ковер, пальма в кадке и прямо напротив нас – двери лифта. Окна выходят на черепичные крыши, залитые солнечным светом, а вдали высятся золотистые горы. Жаркий полдень... «Похоже на гостиницу. Но я не вспомню какую...»

Тихонько звякнул звонок, и над дверями лифта загорелась стрелка. Они с грохотом разъехались. В кабине стояли двое: стройный худой мужчина и красивая женщина, одетая в темно-синюю короткую куртку, выгоревшую рубашку, джинсы и темно-коричневую кепку.

Я услышал, как Лесли судорожно вдохнула, и почувствовал, что она вся напряглась. Из лифта вышли те самые мужчина и женщина, какими мы были шестнадцать лет тому назад, в день нашей первой встречи.

Мы замерли, затаив дыхание. Молодая Лесли, даже не взглянув на Ричарда, каким я когда-то был, вышла из лифта и чуть не бегом поспешила в свою комнату. Необходимость принятия срочных мер вывела нас из оцепенения. Мы не могли допустить, чтобы они вот так разошлись в разные стороны.

– Лесли! Подожди! – воскликнула моя Лесли.

Молодая женщина остановилась и повернулась, ожидая увидеть кого-нибудь из знакомых, но, похоже, не узнала нас. Должно быть, наши лица были в тени – мы стояли против света, за нами было окно.

– Лесли, – сказала моя жена, шагнув к ней. – Удели мне минуточку.

Тем временем молодой Ричард прошел мимо нас в свою комнату. Какое ему было дело до того, что его случайная попутчица встретила своих друзей.

И то, что вокруг творилось нечто непонятное, не снимало с нас ответственности за происходящее. Казалось, что мы ловим цыплят, – эти двое разбегались в разные стороны, а мы знали, что им суждено быть вместе.

Оставив Лесли догонять «себя в юности», я устремился за ним.

– Простите, вы – Ричард?

Услышав мой голос, он удивленно обернулся. Я узнал его темно-коричневую куртку. У нее постоянно отрывалась подкладка. Я зашивал этот шелк, или что там еще десятки раз – и все без толку.

– Ты меня не узнаешь? – спросил я.

Он посмотрел на меня, и его вежливо-спокойные глаза вдруг широко распахнулись.

– Что!..

– Послушай, – сказал я, как можно сдержаннее, – мы сами ничего не понимаем. Мы летели, и тут это чертова штука ударила нас и...

– Так ты?..

Он заморгал и уставился на меня. Конечно, такая встреча вызвала у него шок, но этот парень начал меня чем-то раздражать. Кто знал, сколько времени отпущено нам на эту встречу, может быть, только считанные минуты, а он транжирит их, отказываясь поверить в очевидное.

– Ты прав. Я тот самый человек, которым ты станешь через несколько лет.

Оправившись от шока, он стал весьма подозрительным. Мне пришлось ответить на кучу каверзных, как ему казалось, вопросов и уверить его, что я знаю ответы даже на те, которые появятся у него лишь через шестнадцать лет.

Он не сводил с меня глаз. Совсем еще мальчик, думал я, ни одного седого волоска. Ничего, седина тебе пойдет.

– Ты что, собираешься все время, сколько его там у нас есть, проболтать в коридоре? – спросил я. – А знаешь, что в лифте ты только что встретил женщину... самого важного человека в твоей жизни, и даже об этом не догадался!

– Она? – Он посмотрел вдаль и прошептал: «Но она так красива! Да как же она могла...»

– Я сам толком не пойму, но чем-то ты ей нравишься. Поверь мне.

– Ладно, верю, – сказал он. – Я верю! – Он достал из кармана ключ. – Заходи.

А вот мне поверить было нелегко, но все совпадало. Это был не Лос-Анджелес, а Кармел, штат Калифорния. Октябрь 1972 года, номер на 4 этаже гостиницы «Холидей Инн». Еще до того, как щелкнул замок, я знал, что по всей комнате будут разбросаны радиоуправляемые модели чаек, сделанные для фильма, который мы снимали на побережье. Одни из них вытворяли в воздухе просто чудеса, а другие камнем падали вниз и разбивались. Я приносил обломки в комнату и склеивал их заново.

– Я приведу Лесли, а ты постарайся немножко прибраться, ладно?

– Лесли?

– Она... впрочем, здесь две Лесли. Одна из них только что поднималась с тобой в лифте, жалея о том, что ты не догадываешься с ней даже поздороваться. А та красавица – это она же, только шестнадцать лет спустя, моя жена.

– Не может быть!

– Слушай, лучше займись уборкой, – сказал я, – мы сейчас придем. Я нашел Лесли в коридоре неподалеку. Она стояла ко мне спиной и разговаривала с Лесли из прошлого. До них оставалось несколько шагов, когда из номера напротив горничная выкатила тяжелую тележку со сменой белья и направилась к лифту.

– ОСТОРОЖНО! – закричал я.

Слишком поздно. На мой крик Лесли успела обернуться, но в ту же секунду тележка врезалась ей в бок, прокатилась сквозь ее тело, словно она была соткана из воздуха, а за тележкой сквозь Лесли прошлепала и горничная, улыбнувшись по дороге молодой постоялице.

– Эй! – воскликнула встревоженная юная Лесли.

– Да, – ответила горничная. – Денек выдался что надо.

Я подбежал к моей Лесли.

– С тобой все в порядке?

– Все отлично, – сказала она. – Мне кажется, она не... – Похоже, на секунду она тоже испугалась, но потом снова повернулась к молодой женщине. – Ричард, познакомься, пожалуйста, с Лесли Парриш. Лесли, это мой муж, Ричард Бах.

Знакомство было настолько официальным, что я рассмеялся.

– Привет, – сказал я. – Вы меня хорошо видите?

Она засмеялась в ответ, и в ее глазах засверкали озорные искорки.

– А вы что, должны таять на глазах? – Ни удивления, ни подозрительности. Должно быть, молодая Лесли решила, что ей все это снится, и хотела вволю насладиться своим сном.

– Нет, я просто проверяю, – ответил я. – После того, что случилось с тележкой, я не уверен, что мы из этого мира. Могу поспорить, что...

Я потянулся к стене, подозревая, что моя рука может пройти сквозь нее. Так и есть, зашла в обои по локоть. Молодая Лесли рассмеялась от удовольствия.

Вот почему, подумал я, приземляясь, мы пробили стену, но остались целы и невредимы.

Как быстро мы привыкаем к невероятному! Мы с головой окунулись в наше прошлое, но когда первое удивление прошло, мы в этом удивительном месте уже стараемся изо всех сил. А старались мы подружить эту парочку, не дать им упустить годы, которые мы сами потратили на то, чтобы понять, что мы друг без друга жить не можем.

– Может быть, вместо того, чтобы стоять здесь... – я махнул рукой в сторону комнат, – Ричард пригласил нас к себе. Мы сможем там немного поговорить, разобраться во всем спокойно, без снующих сквозь нас тележек.

Юная Лесли взглянула в зеркало, висящее в холле. «Я не думала идти в гости», – сказала она. «Я ужасно выгляжу». Она пригладила белокурый локон, выбившийся из-под кепки.

Я глянул на свою жену, и мы расхохотались.

– Отлично! – сказал я. – Вы выдержали наш последний экзамен. Если Лесли Парриш хоть раз посмотрится в зеркало и скажет, что выглядит хорошо, это не настоящая Лесли Парриш.

Я подвел их к двери Ричарда и, не задумываясь, постучал. Рука провалилась в дерево, разумеется, не издав ни звука.

– Мне кажется, лучше постучать вам, – предложил я молодой Лесли. Она постучала, да так озорно и ритмично, словно настукивала песенку. Дверь тут же распахнулась, и на пороге появился Ричард с огромной чайкой в руках.

– Привет, – сказал я. – Ричард, познакомься, это Лесли Парриш, твоя будущая жена. Лесли, а это Ричард Бах, твой будущий муж.

Он прислонил чайку к стене и весьма официально потряс руку молодой женщины. При этом на его лице странно смешались боязнь и желание понравиться.

Во время рукопожатия она, насколько могла, старалась быть серьезной, но в ее глазах поблескивала искра смущения. «Я очень рада с вами познакомиться», – сказала она.

– А это, Ричард, моя жена, Лесли Парриш-Бах.

– Очень приятно, – он кивнул.

Затем он надолго замер, поглядывая то на меня, то на женщин, словно к нему в гости пожаловала веселая компания, решившая его хорошенько разыграть.

– Заходите, – сказал он наконец. – У меня такой беспорядок...

Он не шутил. Если он и пытался прибрать, то заметить это было просто невозможно. По всей комнате валялись деревянные чайки, блоки радиоуправления, батарейки, куски бальзы, подоконники завалены какими-то железяками, и все это насквозь пропахло нитроокраской.

На кофейном столике он расположил четыре стаканчика воды, три маленьких пакетика хрустящих кукурузных хлопьев и банку жареного арахиса.

Если даже в дверь толком постучать не удалось, подумал я, то и хлопьями, наверное, мне не похрустеть.

– Чтобы вы не беспокоились, мисс Парриш, – начал он, – я хочу сказать, что уже один раз был женат и больше жениться не собираюсь. Я не совсем понимаю, кто эти люди, но я уверяю вас, что у меня нет ни малейшего намерения каким-либо образом навязывать вам это знакомство...

– О, боже, – пробормотала моя жена, глядя в потолок, – знакомые холостяцкие разговоры.

– Вуки, пожалуйста, не надо, – прошептал я. – Он хороший парень, просто он испуган. Давай не будем...

– Вуки? – переспросила молодая Лесли.

– Простите, – сказал я. – Это прозвище одного из героев фильма, который мы смотрели давным... давно. – Тут я начал понимать, что разговор нам предстоит нелегкий.

Мы рассказали им, что и сами не знаем, как очутились с ними вместе, что они просто созданы друг для друга, но об этом пока не догадываются и поэтому каждый из них про себя думает, что ему суждено всю жизнь прожить в одиночестве. Лесли сказала, что мы так же, как и они, шестнадцать лет назад случайно встретились в лифте и разошлись потому, что у нас не хватило смелости познакомиться еще тогда, в первый раз, и мы хотим, чтобы они не совершали этой ошибки и напрасно не теряли шестнадцать лет на поиски друг друга, а немедленно пали друг другу в объятия и начали счастливую совместную жизнь.

Но они лишь на секунду встречались взглядами и тут же отворачивались. По репликам Ричарда чувствовалось, что он внутренне защищается. Почему они не хотели воспользоваться тем единственным шансом, о котором мечтает каждый, и избежать ошибок, которых можно не делать?

– Вы думаете, мы понимаем, что тут происходит? – воскликнул я. – Вовсе нет. Мы даже не знаем, живы мы или уже умерли. Ясно только, что каким-то образом мы, из вашего будущего, смогли встретиться с вами, из нашего прошлого, и при этом из вселенской механики не посыпались всякие там пружинки и шестеренки.

Я говорил так страстно, что юная Лесли стала очень серьезной – видимо, начала осознавать, что все это ей не снится.

– Нам кое-что нужно от вас, – сказала моя Лесли. Она же в юности глянула на нас, те же прекрасные глаза. «Что?»

– Мы – те, кто идет за вами, именно мы расплачиваемся за ваши ошибки и добиваемся успехов благодаря вашим стараниям. Мы гордимся вами, когда в нужный момент вы делаете правильный выбор, и грустим, когда выбор оказывается неверным. Мы – ваши самые близкие друзья, кроме вас самих. Чтобы ни случилось, не забывайте о нас, не предавайте нас!

– А знаете, чему мы научились за это время? – спросил я. – Что нам не очень то подходят сиюминутные радости, приносящие проблемы, из которых потом очень долго приходится выпутываться! Легкий путь – самый тяжелый. – Я повернулся к себе в юности. – А ты знаешь, сколько подобных предложений тебе сделают за это время, пока ты не станешь мной?

– Много?

Я кивнул. – Целую кучу.

– Как нам найти верную дорогу? – спросил он. – Мне кажется, что я уже пару раз прошел легким путем.

– Как и ожидалось, – ответил я. – Неверный путь так же важен, как и верный. Иногда даже важнее.

– Но он не приносит радости, – сказал он.

– Нет, однако...

– А вы – наше единственное будущее? – внезапно спросила молодая Лесли. Ее вопрос настолько обескуражил, что я осекся и у меня по спине побежали мурашки.

– А вы – наше единственное прошлое? – в ответ спросила моя жена.

– Конечно... – начал Ричард.

– Нет! – я уставился на него, ошеломленный своим открытием. – Конечно нет! Вот почему мы с Лесли не помним, что в этой гостинице к нам являлись «мы, из будущего». Мы не помним этого потому, что случилось это не с нами, а с вами!

В ту же секунду каждый из нас понял истинный смысл этих слов. Мы изо всех сил старались объяснить ребятам, как им следует поступить, но вдруг окажется, что они живут лишь в одном из многих вариантов нашего прошлого, стоят на одном из многих путей, ведущих к тем, кто мы есть сейчас? Встреча с нами на какое-то время успокоила их, доказала, что будущего не стоит бояться, все будет в порядке. А вдруг мы пришли вовсе не из неизбежного будущего, поджидающего их, вдруг они сделают не такой выбор, как когда-то сделали мы, и пойдут другим путем?

– Не важно, пришли мы именно из вашего будущего или нет, – начала моя жена. – Не отворачивайтесь от любви...

Она замолчала. Не закончив фразы, с испугом посмотрела на меня. Комната задрожала, по всему зданию пронесся гул.

– Землетрясение? – предположил я.

– Нет никакого землетрясения, – ответила молодая Лесли. Я ничего не чувствую. А ты, Ричард?

Он покачал головой. «Ничего».

А мы чувствовали, что комната заходила ходуном, и гул с каждой секундой усиливался. Моя жена неожиданно вскочила. Ее испуг легко понять – она уже пережила два сильных землетрясения, и ей не очень-то хотелось испытать все это в третий раз. Я взял ее за руку. «Дорогая, смертные в этой комнате землетрясения не чувствуют, а нам, привидениям, падающая штукатурка не страшна...»

Тут комнату затрясло, как на вибростенде, стены стали таять на глазах, а гул перешел в рев. Ребята уставились на нас, сбитые с толку тем, что с нами происходит. В этом бушующем океане неподвижной оставалась только моя жена, которая кричала нашей парочке: «Оставайтесь вместе!»

В ту же секунду комнату заполнил рев двигателя, и она исчезла в брызгах воды. Из опущенного стекла хлестал ветер – мы снова очутились в кабине нашего гидросамолета, который уже приподнялся над водой и готов был вот-вот взлететь.

Лесли вскрикнула от радости и ласково погладила панель приборов. «Ворчун! Как я рада

тебя видеть!»

Я потянул на себя штурвал, и через несколько секунд наш маленький корабль оторвался от воды, оставив позади мелководье, исчерченное замысловатым узором. В воздухе снова чувствуешь себя в безопасности!

– Так это взлетал Ворчун! – догадался я. – Это он вытащил нас из Кармела. Но, слушай, как он смог сам завестись? Почему он пошел на взлет?

Не успела Лесли и рта раскрыть, как с заднего сидения послышался ответ.

– Это сделала я.

Онемев от изумления, мы обернулись. Нежданно-негаданно, в сотне метров над неведомым нам океаном, в кабине нашего самолета объявился пассажир.

Я инстинктивно толкнул штурвал от себя, чтобы бросить самолет в пике и прижать незваного гостя к потолку кабины.

– Не пугайтесь! – сказала она. – Я ваш друг!(Она рассмеялась.) Уж кого-кого, а меня как раз и не стоит бояться!

Я немного расслабился.

– Кто...? – начала Лесли, в упор глядя на незнакомку.

Та была одета в джинсы и клетчатую куртку, смуглая, черные волосы рассыпаны по плечам, глаза черны как смоль.

– Меня зовут Пай, – сказала она, – для вас я – то же, что вы – для тех ребят из Кармела. – Она пожала плечами и поправилась. – В несколько тысяч раз.

Я сбросил газ, и в кабине стало потише.

– Как вы...? – начал я. – Что вы здесь делаете?

– Мне показалось, что у вас могут быть проблемы, – сказала она. – Я пришла помочь.

– Что значит в несколько тысяч раз? – спросила Лесли. – Вы из будущего?

Пай кивнула и придвинулась к нам, чтобы было лучше слышно. «Я – это вы оба. Я не из будущего, а из...» Она пропела какую-то удивительную двойную ноту: «...из альтернативного настоящего».

Мне хотелось выяснить, как она могла быть сразу нами обоими, что такое альтернативное настоящее, но больше всего мне хотелось знать, что же происходит?

– Где мы? – спросил я. – Ты знаешь, отчего мы погибли?

Она улыбнулась и покачала головой. «Погибли? А с чего вы это взяли?»

– Не знаю, – сказал я. – Мы уже было зашли на посадку в Лос-Анджелесе, но тут что-то бабахнуло, и город исчез. Цивилизация в долю секунды испарилась, мы летаем над океаном, не существующим на Земле, а когда приземляемся, привидениями бродим в нашем прошлом, там нас, кроме нас самих, никто не видит, по нам ездят тележки, а мы проходим сквозь стены... (Я пожал плечами.) Если этого не считать, то и вправду непонятно, с чего я взял, что мы умерли.

Она рассмеялась. «Успокойтесь, вы живы».

Мы с Лесли переглянулись и действительно почувствовали облегчение.

– Тогда где мы? – спросила Лесли. – Что с нами произошло?

– Это нельзя назвать местом, скорее это точка бесконечной перспективы, сказала Пай. – А произошло это, скорее всего, по вине электроники. Она осмотрела панель приборов. Золотая вспышка была? Интересно. Чтобы оказаться здесь, у вас был всего один шанс на триллион. – Она очаровывала нас, мы чувствовали себя с ней, как дома.

– То есть у нас всего один шанс на триллион вернуться? – спросил я. – У нас завтра встреча в Лос-Анджелесе. Мы успеем вернуться вовремя?

– Вовремя? – она повернулась к Лесли. – Ты голодна?

– Нет.

Затем ко мне. «Хочется пить?»

– Нет.

– Кака вы думаете, почему нет?

– Волнение, – предположил я, – Стресс.

– Страх! – сказала Лесли.

– Вы напуганы? – спросила Пай.

Лесли чуть-чуть подумала и ответила с улыбкой: «Уже нет. Я бы так не сказала. Не очень-

то я люблю внезапные перемены».

Она повернулась ко мне. «И много топлива израсходовали?»

Стрелка стояла не шелохнувшись.

– Ни капли! – воскликнул я, внезапно догадавшись. – Ворчун не расходует топлива, а нам не хочется ни есть, ни пить потому, что голод и жажда появляются со временем, а здесь времени нет.

Пай кивнула.

– Скорость тоже зависит от времени, – сказала Лесли. – Но мы движемся.

– Вы уверены? – Пай, вопросительно изогнув свои черные брови, повернулась ко мне.

– Не смотри так на меня, – сказал я. – Мы движемся только в нашем воображении? Только в...

Пай ободряюще улыбнулась, мол, теплее-теплее, словно мы играли в угадайку.

– ...в осознании мира?

Она радостно улыбнулась. «Верно! Временем вы называете ваше движение к осознанию мира. Любое событие, которое может произойти в пространстве-времени происходит сейчас, сразу, все – одновременно. Нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее, хотя, чтобы общаться, мы говорим на пространственно-временном языке».

– Это как... – она умолкла, подыскивая сравнение, – ...как в арифметике. Как только ее поймешь, становится ясно, что все задачки уже решены. Кубический корень из 6 известен, но нам потребуется то, что мы называем временем, несколько секунд, чтобы узнать, каким он всегда был и остается.

«Кубический корень 8 равен 2, – подумал я, – а 1 равен 1. Кубический корень 6? Где-то 1,8?» И, конечно же, пока я прикидывал в уме, я понял, что ответ ждал меня задолго до того, как я задался этим вопросом.

– Любое событие? – переспросила Лесли. – Все, что только возможно, уже случилось? Так будущего нет?

Моя практичная Лесли вышла из себя. «Так зачем же мы вообще живем, перенося все испытания в этом... в этом выдуманном времени, если все уже свершилось? Зачем все это?»

– Дело не в том, что все уже произошло, а в том, что у нас неограниченный выбор, – сказала Пай. – Сделанный нами выбор приводит нас к новым испытаниям, а преодоление их помогает нам осознать, что мы вовсе не те беспомощные жалкие существа, которыми сами себе иногда кажемся. Мы – безграничные выражения жизни, зеркала, отражающие дух.

– А где все это происходит? – спросил я. – Может, на небе есть огромный склад, где на полках хранятся приключения и испытания на любой вкус?

– Склада нет. И места такого нет, хотя вы можете представить себе это в виде пространства. Как вы думаете, где это может быть?

Не зная ответа я лишь покачал головой и повернулся к Лесли. Она тоже покачала головой.

Пай переспросила театральным голосом: «Так где?» Глядя нам в глаза, она показала рукой вниз.

Там внизу, под водой, на дне океана пересекались бесчисленные дороги. – Эти узоры? – воскликнула Лесли. – Под водой? А-а! Это наш неограниченный выбор. Эти узоры показывают дороги, которые мы выбираем! И те повороты, которые мы могли бы в своей жизни сделать, и уже сделали в...

– ...параллельных жизнях? – закончил я за нее, догадавшись, какой рисунок складывается из всей этой мозаики. – Альтернативные судьбы!

Мы изумленно уставились на бескрайние узоры, раскинувшиеся под нами.

– Набирая высоту, – продолжил я в приливе проницательности, – мы видим перспективу!

Мы видим все возможные варианты выбора и его последствия. Но чем ниже мы летим, тем больше мы теряем понимание этой перспективы. А когда мы приземляемся, мы теряем из виду все остальные возможности выбора. Мы фокусируемся на деталях этого дня, часа или минуты и забываем обо всех других возможных судьбах.

– Какую чудную метафору вы придумали, чтобы понять, кто же вы такие на самом деле, – сказала Пай, – узоры на бескрайнем дне океана. Вам приходится летать на своем гидросамолете и садиться то там, то здесь, чтобы повидаться с самим собой из альтернативной жизни. Но это лишь один из возможных творческих подходов, и он работает.

– Так выходит, что это море под нами, – спросил я, – вовсе и не море? И этих узоров там на самом деле нет?

– В пространстве-времени на самом деле вообще ничего нет, – сказала она. – Эти узоры – всего лишь придуманное вами наглядное пособие. Так вам легче понять одновременность жизни. Это сравнение с полетом потому, что ты любишь летать. Когда вы приземляетесь, ваш гидросамолет плывет над какой-то частью картины, вы становитесь наблюдателями, призраками входите в ваши альтернативные миры. Вы можете научиться чему-нибудь у живущих там других аспектов нашего "я", даже не считая реальностью их жизненное окружение. А когда вы узнаете то, чему вам надо было научиться, вы вспомните свой гидросамолет, прибавите обороты двигателя, подниметесь в воздух и снова обретете перспективу.

– Мы сами создали эту... картину? – спросила Лесли.

– В пространстве-времени столько же метафор, представляющих жизнь, сколько интересующих вас занятий, – ответила Пай. – Если вы бы увлекались фотографией, возможно, вы бы представили себе огромный фотообъектив. Мы видим четко только то, что находится в фокусе, остальное размыто. Мы фокусируемся на одной жизни и думаем, что кроме нее ничего больше нет. И все остальные стороны нас самих, наши размытые тени, мы считаем снами, желаниями, «чем-бы-я-мог-стать», но они точно так же реальны, как и мы. Мы сами наводим фокус.

– Может быть, поэтому нас так зачаровывает физика? – спросил я. – Квантовая механика с ее безвременьем? Ничто не возможно, но все реально? Нет ни прошлых, ни будущих жизней, сфокусируйся на одну точку, поверь в то, что она движется – и вот, мы выдумали время? Чувствуя себя участником события, начинаешь думать, что это единственная жизнь? Это так, Пай?

– Очень похоже, – сказала она.

– Тогда мы можем полететь вперед, – предположила Лесли, – над той дорогой, – где мы покинули Ричарда и Лесли, приземлиться чуть дальше и посмотреть, остались ли они вместе, спасли ли годы, потерянные нами!

– А вы уже знаете, – сказала наша гостья из другого мира.

– Мы не знаем! – воскликнул я. – Нас утащили оттуда... Пай улыбнулась. «У них тоже есть выбор. Одна часть их существа напугана и пытается убежать от будущего, связанного взаимными привязанностями. Другая часть желает стать просто друзьями, еще одна – стать любовниками, чуждыми друг другу духовно, еще одна – жениться и развестись, и последняя – слиться духовно, жениться и вечно любить друг друга».

– Выходит, что мы здесь вроде туристов! – подытожил я. – Не мы создали этот пейзаж, но мы выбираем ту часть картины, которую мы хотим разглядеть поближе.

– Хорошо сказано, – согласилась Пай.

– О'кей, – сказал я. – Ну, а если, предположим, мы прилетим в ту часть картины судеб, где моя мать должна встретить моего отца. Но мы им помешаем, они не встретятся. Как же тогда я мог родиться на свет?

– Нет, Ричи, – сказала Лесли, – это не помешает тебе родиться. Ты родился в той части картины, где они смогли встретиться, и ничто этого изменить не может!

– Так нет ничего predeterminedного? – спросил я. – Разве каждому из нас не назначена своя судьба?

– Судьба, конечно, есть, – сказала Пай, – но она вовсе не тащит тебя силком туда, куда ты не хочешь идти. Вы сами делаете выбор. Судьба зависит только от вас.

– Пай, а если мы захотим домой, – начал я, – как нам вернуться?

Она улыбнулась.

«Вернуться домой очень просто. Вы создали эту картину силой своего воображения, но путь домой – это путь духа. Любовь укажет вам дорогу... – она внезапно замолчала. – Простите меня, я что-то увлеклась поучениями. Вы хотите вернуться прямо сейчас?»

– Да, пожалуйста.

– Нет! – воскликнула Лесли. Она говорила с Пай, но при этом взяла меня за руку, словно просила выслушать ее до конца. – Если я правильно поняла, те двое, какими мы были на пути в Лос-Анджелес, остановились во времени, и мы можем вернуться к ним, как только захотим.

– Конечно, можем, – сказал я. – Но тут опять бабахнет, и мы снова угодим сюда.

– Нет, – сказала Пай. – Когда вы вернетесь, мелкие обстоятельства изменятся, и назад вам уже не попасть. Так вы хотите домой?

– Нет, – повторила Лесли. – Я хочу здесь многое узнать, Ричард. Я хочу понять! У нас был лишь один шанс на триллион, и он нам выпал, мы должны остаться!

– Пай, – спросил я, – а если мы останемся, можем мы погибнуть, даже если здесь мы – привидения?

– Если таков будет ваш выбор, – ответила она.

– Наш выбор? – Эти слова мне показались зловещими. – Я люблю безопасные приключения. Полет в полную неизвестность – вовсе не забавное приключение, это просто безумие. А вдруг мы станем пленниками этой воображаемой картины судеб и потеряем наш собственный мир? Вдруг нас что-нибудь разлучит и мы с Лесли никогда здесь друг друга не найдем? Воображение может заманить нас в ловушку. – Мне это не нравилось, и я повернулся к своей жене. – Я думаю, нам лучше вернуться, дорогая.

– Ну, Ричи, неужели ты действительно хочешь упустить такой случай? Разве не об этом ты всегда мечтал – параллельные миры, альтернативное будущее! Только подумай, сколько нового мы можем здесь узнать! Давай немножко рискнем.

Я вздохнул. На пути к истине моя Лесли в прошлом не раз глядела в лицо опасности. Конечно, она хочет остаться. Теперь она позвала в дорогу скитальца, живущего в глубине моей души.

– Ну ладно, малыш, – сказал я в конце концов.

В воздухе сильно запахло опасностью. Я почувствовал себя пилотом-новичком, осваивающим воздушную акробатику без ремня безопасности.

– Пай, кстати, а сколько здесь живет разных аспектов нашей души?

– спросил я.

Она рассмеялась и посмотрела вниз на бесконечный узор: «А сколько ты можешь себе представить? Им нет числа».

– Так вся эта картина о нас? – пораженно спросила Лесли. – Куда бы мы ни посмотрели, куда бы ни полетели – эти узоры показывают выбор, сделанный нами?

Пай кивнула.

«Мы еще не начали путешествия, – подумал я, – а уже столкнулись с чем-то невероятным».

– А как же другие, Пай? Сколько же жизней может быть во Вселенной?

Она озадаченно посмотрела на меня, словно не поняла моего вопроса. «Сколько жизней во Вселенной, Ричард? – переспросила она. – Одна-единственная».

– Карты здесь точно нет? – спросил я.

Пай улыбнулась. «Карты нет».

"Полет на самолете – это прежде всего правильно проложенный курс,

– подумал я. – И вот, в этом бескрайнем мире, в котором мы только что очутились, нет карты, а компас не работает".

– Здесь путь вам укажет интуиция, – сказала Пай. – Один из уровней вашего сознания уже знает все, что нужно. Найдите в себе этот уровень, попросите указать вам путь и поверьте в то, что вас ведут именно туда, куда вам надо попасть. Попробуйте.

Я выровнял наш гидросамолет на высоте около ста метров и перешел на крейсерскую скорость. Зачем забираться выше, если можно приземлиться где угодно.

Мы летели над бесконечными узорами, таившимися под водой.

– Замысловатый узор, правда? – спросил я.

– Это похоже на ковер, – ответила Пай. – Все просто, когда перебираешь нитки. Но когда начинаешь ткать большой ковер, все кажется немножко запутанным.

– А ты скучаешь по своим прошлым "я"? – спросил я нашего наставника. – Ты скучаешь по нам?

Она улыбнулась.

– Зачем же мне скучать, если мы никогда не расстанемся? Я не живу в пространстве-времени. Я всегда с вами.

– Но Пай, – возразил я, – у тебя все же есть тело. Может быть, оно и отличается от нашего, но оно имеет определенные размеры и похоже на...

– Нет. У меня нет тела. Вы чувствуете, что я здесь, и вы хотите воспринимать меня в виде человека. Но выбор других форм восприятия очень широк, вы могли бы воспользоваться любой – каждая из них может пригодиться, но ни одна из них не истинна.

Лесли повернулась и взглянула на нее.

– А какую более высокую форму восприятия мы могли бы выбрать?

Я тоже повернулся и увидел бело-голубую сверкающую звезду, словно в кабине вспыхнул дуговой электрический разряд.

Мы отпрянули. Я зажмурился, но даже сквозь закрытые веки этот бушующий свет был невыносим. Затем он погас. Пай тронула нас, и мы снова обрели способность видеть.

– Простите меня, – сказала Пай. – Я сделала это, не подумав. Вы не можете видеть меня такой, какая я есть, вы не можете прикоснуться ко мне настоящей. Словами невозможно выразить конечную истину потому, что язык не в силах описать... Для меня сказать "Я", не имея при этом в виду «вы-мы-все– дух-единая-жизнь», будет просто неправдой, но если не говорить словами, то мы не воспользуемся этой возможностью поговорить. Уж лучше ложь с добрыми намерениями, чем молчание или упущенная возможность общения...

В моих глазах все еще полыхало зарево. «О, боже, Пай, а когда мы научимся так гореть?»

Она рассмеялась. «Да вы сами такие же звезды. Наоборот, в пространстве-времени вам приходится учиться гасить свое пламя».

– Пай, а когда мы захотим вернуться в наш гидросамолет после того, как приземлимся и побываем в нашей альтернативной жизни, как нам это сделать?

– Вам вообще не нужен этот самолет. И эти узоры. Вы создаете их силой своего воображения и можете делать с ними все, что захотите. Ваш мир покажется вам таким, каким вы его себе представляете.

– Мне надо представить, что я тяну ручку газа? Но как я могу протянуть к ней руку, если я в другом мире? Как я могу быть одновременно в двух местах?

– Вы не можете одновременно быть в двух местах, потому что вы одновременно находитесь повсюду. И вы сами – правители ваших миров, а не слуги складывающихся там обстоятельств. Ну так что, попробуете?

Лесли тронула мое колено и взялась за штурвал. «Попробуй, дорогой, – попросила она. – Скажи мне, куда лететь.»

Я устроился поудобней и закрыл глаза. «Вперед», – скомандовал я, чувствуя себя довольно глупо. С тем же успехом я мог бы сказать, например, «набирай высоту». Внезапно я уловил во всем этом какой-то смысл, а чуть позже перед моим внутренним взором появилось некое подобие визира прибора посадки. Насколько реальным может показаться наше воображение!

Лесли, следуя моим указаниям, делала повороты, и как только перекрестье оказалось точно в центре моей мысленной картинки, я отдал приказ садиться. Я слышал, как киль нашей летающей лодки начал резать гребни волн, открыл глаза и увидел, как мир, затуманенный водопадом брызг, начал исчезать. Затем все затянуло мраком, в котором неясно светились какие-то силуэты. Наконец мы остановились.

Мы стояли на широком бетонном поле... военно-воздушная база! Синие сигнальные огоньки по краям поля, взлетные дорожки вдаль, реактивные истребители, отливающие серебром в лунном свете.

– Где мы? – шепотом спросила Лесли.

Перед нами рядами стояли истребители «F-86E». Я сразу узнал это место. «База ВВС им. Уильямса, штат Аризона, летное училище летчиков-истребителей. Сейчас 1957 год, – прошептал я в ответ. – Я любил приходить сюда по ночам, чтобы побыть наедине с самолетами».

– А почему мы шепчемся? – спросила она.

В этот момент из-за шеренги самолетов вынырнул патрульный джип военной полиции. Он медленно приближался к нам, а затем повернул и остановился за самолетом, стоявшим справа от нас. Мы услышали голос полицейского.

– Простите, сэр. Предъявите, пожалуйста, пропуск.

Ему ответил низкий голос. Что-то отрывистое, мы не смогли разобрать.

– Полицейский говорит со мной, – сказал я Лесли. Я помню этот разговор...

Тут до нас донеслось: «Конечно, сэр, просто проверка документов. Все в порядке».

Потом джип дал задний ход, развернулся и рванул прямо на нас. Похоже, водитель нас не заметил, хотя фары светили нам прямо в лицо, как два ослепительных солнца.

– Осторожно! – закричал я, но было уже поздно.

Лесли вскрикнула. Джип врезался в нас и помчался дальше, набирая скорость.

– Ну да, – сказал я. – Я и забыл. Прости.

– К этому тяжело привыкнуть, – ответила Лесли, с трудом переводя дыхание. Из-за крыла самолета показался темный силуэт. «Кто здесь? С вами все в порядке?»

На нем была куртка и темный нейлоновый летный костюм. В лунном свете он сам был похож на привидение. На куртке вышиты белые крылья – эмблема летчиков, и желтые нашивки лейтенанта.

– Иди ты, – прошептала Лесли. – Я постою здесь.

Я кивнул и обнял ее за плечи.

– Все нормально, – сказал я, подходя к нему. – Разрешите пристроиться? Я улыбнулся – после всех этих лет неожиданно для себя заговорил на курсантском жаргоне.

– Кто это?

Почему он задает такие непростые вопросы? "Сэр, – отрапортовал я,

– лейтенант Бах, Ричард Д., личный номер А– 0-3-0-8-0-7-7-4, сэр!"

– Майз, это ты? – усмехнулся он. – Чего это ты здесь дурака валяешь?

«Фил Майзенхолтер, – вспомнил я. – Каким он был отличным другом! Через десять лет он погибнет, его „F-105“ собьют во Вьетнаме».

– Я не Майлз, – ответил я. – С тобой говорит Ричард Бах из твоего будущего, старше тебя на тридцать лет.

Он всматривался в темноту. «Ты...кто?»

"Если нам с Лесли и дальше летать над этим океаном, – подумал я,

– нам лучше потихоньку привыкать к таким вопросам".

– Я – это ты, лейтенант. Я – это ты, только накопивший чуть больше жизненного опыта. Я уже сделал все ошибки, которые ты только собираешься сделать, но как-то сумел выжить.

Он подошел ближе, пытаясь получше рассмотреть меня в темноте. Он все еще думал, что это шутка. «Я собираюсь совершать ошибки? – переспросил он, улыбаясь. – Что-то мне не верится».

– Давай назовем их неожиданной возможностью кое в чем разобраться.

– А мне кажется, я их не сделаю, – заявил он.

– Ты уже совершил самую большую ошибку, – я продолжал настаивать.

– Ты пошел в армию. Лучше всего уйти в отставку сейчас же. Нет, не лучше всего. А умнее всего – подать в отставку.

– Нет, нет! – воскликнул он. – Я только что окончил летное училище! Я даже не успел еще поверить в то, что стал настоящим пилотом ВВС, а ты говоришь, чтобы я ушел в отставку?... Так, ладно. А что ты еще хочешь мне предложить? Похоже, он решил, что это забавная игра, и был готов в нее поиграть.

– О'кей, – продолжил я, – раньше, помнится, я думал, что просто использую ВВС в своих целях – научусь летать. А на деле вышло, что ВВС использовало меня, а я этого не знал.

– Но я-то об этом знаю! – воскликнул он. – Понимаешь, я люблю свою страну и, если за ее свободу надо будет сражаться, я хочу быть в самой гуще этой битвы!

– А ты помнишь старшего лейтенанта Уайта? Расскажи-ка мне про лейтенанта Уайта.

Он искоса глянул на меня, явно почувствовав себя неловко.

– Его фамилия была Уайэт, – поправил он. – Инструктор по предполетной подготовке. С ним в Корее что-то там произошло, и он немного спятил. Однажды в учебном классе он написал большими буквами на доске: УБИЙЦЫ. А затем повернулся к нам и с улыбкой мертвеца заявил: «Вот вы кто!» Его фамилия была Уайэт.

– А знаешь, чему тебя научит твое будущее, Ричард? – начал я. – Ты узнаешь, что из всех, кого ты встретишь в ВВС, только старший лейтенант Уайэт был по-настоящему в здравом уме.

Он покачал головой. «Послушай, – сказал он, – время от времени я представляю себе, что мы с тобой встретились, думаю, о чем бы я поговорил с тем, кем стану через тридцать лет. Ты на него не похож. Совсем не похож! Он гордится мной!»

– Я тоже горжусь тобой, – ответил я. – Но совсем по иным причинам. Я горд за тебя потому, что знаю, ты поступаешь, как тебе сейчас кажется, лучше всего. Но я не могу гордиться тем, что, по-твоему, лучше всего добровольно вызваться идти убивать людей, расстреливать ракетами и жечь напалмом деревни, в которых мечутся перепуганные женщины и дети.

– Черта с два я это сделаю! – запальчиво заявил он. – Я буду летать на истребителе противовоздушной обороны!

Я промолчал.

– Ну, я хотел бы попасть в ПВО...

Я просто смотрел на него из темноты.

– Слушай, я служу своей стране и сделаю все, что мне только...

– Ты мог бы найти тысячи других способов послужить своей стране,

– обрезаю я. – Зачем ты вообще здесь? Можешь ли ты честно признаться в этом хотя бы самому себе?

Он колебался. «Я хотел научиться летать».

– Ты умел летать еще до того, как пришел в ВВС. Ты мог бы летать на пассажирских самолетах.

– Они слишком... тихоходны.

– Не похожи на истребители с бравых плакатов вербовочных пунктов, да? Не такие, как показывают в кинобоевиках?

– Да, не такие, – признался он после долгого молчания.

– Так почему ты оказался здесь?

– Меня завораживает совершенство... – Он осекся, стараясь говорить предельно откровенно. – Меня завораживают истребители. В них есть неповторимая красота.

– Как ты понимаешь красоту?

– Красоту начинаешь чувствовать, когда... ты познаешь что-то в совершенстве. Летать на таком самолете... – Он любовно погладил крыло истребителя. – ...Понимаешь, я не барахтаюсь в грязи, я не привязан к рабочему столу, домам, ни к чему на земле. Я лечу быстрее звука на высоте 14 километров, там, где никогда и никто до меня не был. Какая-то частичка меня точно знает, что мы рождены для полета, говорят, что мы – беспредельны. Полнее всего я чувствую жизнь, какой она по-моему и должна быть, когда я лечу на таком вот самолете. Конечно. Именно поэтому я жаждал скорости и ослепительного блеска. Я об этом никогда не говорил, даже не думал. Просто чувствовал.

– Мне не нравится, когда на самолет навешивают бомбы, – продолжал он. Но что же я могу поделать. Без них не было бы таких прекрасных самолетов.

«А без тебя, – подумал я, – война бы умерла». Я протянул руку к истребителю. И сегодня я считаю «F-86» самым красивым на свете самолетом. «Прекрасная, – сказал я, – наживка».

– Наживка?

– Истребители – это наживка. А ты – рыбка.

– А что же тогда крючок?

– А крючок убьет тебя, когда ты его найдешь, – сказал я. – Крючок

– это то, что ты, Ричард Бах, человек, несешь личную ответственность за каждого взрослого, за каждого ребенка, которого ты убьешь при помощи этой штуковины.

– Но постой! Я за это не отвечаю, ведь не я принимаю эти решения! я только исполняю приказ...

– Ни приказы, ни служба в ВВС, ни война не могут служить оправданием. Каждый из убитых тобой будет преследовать тебя до самой смерти, каждую ночь ты будешь просыпаться от собственного крика, снова и снова убивая их всех, одного за другим.

Он весь напрягся.

– Послушай, если на нас нападут, что же мы будем делать без ВВС? Я пришел сюда, чтобы защитить нашу свободу!

– Ты говорил, что пришел сюда научиться летать и познать красоту.

– Я летаю для того, чтобы защищать мою родину.

– То же самое говорят и другие, слово в слово. Солдаты из России, Китая, возьми какую хочешь страну. Им вдалбливают: «Мы делаем правое дело», «Защищай Отечество от Них». Но эти самые Они, Ричард, это ты и есть!

И вдруг его самонадеянность куда-то испарилась. «А помнишь модели самолетов? – в его

голосе звучала мольба. – Я смотрел на тысячи самолетиков и мечтал, что превращусь в малюсенького человечка и отправлюсь на каждом из них в полет. А помнишь, как я любил залезать на деревья и смотреть вниз? Я был птицей, готовый взлететь. Помнишь, как прыгал с вышки в бассейн, представляя себе, что лечу? Помнишь, как впервые по-настоящему полетел на самолете? Я очень долго не мог прийти в себя от радости. Я до сих пор не могу прийти в себя».

– Именно так все и задумано, – сказал я.

– Задумано?

– Как только ребенок научится смотреть на окружающий мир – ему подсовывают картинки. Когда научится слушать – рассказы и песни. Когда научится читать – книги, эмблемы, плакаты, флаги, кинофильмы, памятники, славные традиции и уроки истории. Потребовать клятву верности и равнение на знамя! На свете есть Мы и есть Они. Они нас убьют, если мы утратим бдительность, подозрительность, святую ярость и боевую подготовку. Исполняй приказы, делай, как тебе говорят, защищай свою страну.

Надо всячески поощрять детскую любознательность, любовь к машинкам, всему, что движется: автомобилям, корабликам, самолетикам. А потом собрать самые прекрасные и чарующие машинки в одном месте: у вояк, в вооруженных силах каждой из стран нашего мира. Засунуть автолюбителей в танки, ценой по миллиону долларов за штуку; тех, кто любит море – сделать капитанами и упрятать в него, упаковав в атомные подводные лодки, ну а тем, кто мечтает о полете, тебе, Ричард, дать сверхскоростные самолеты – бери и летай, дескать, сколько захочешь! И вот ты уже привычно надеваешь блестящий летный шлем и пишешь на борту истребителя свое имя.

Они заманивают тебя все дальше и дальше, раззодоривая и требуя, чтобы ты доказал им, что ты и вправду достоин и достаточно крут для такого дела. Они хвалят тебя: «Элита!», «Супермен!» Они укутывают тебя в полотнище флага, цепляют тебе на китель крылышки пилота, офицерские нашивки и медалки на ярких ленточках в награду за то, что ты, не рассуждая, выполняешь приказы тех, кто дергает тебя за веревочки.

От плакатов, развешенных на вербовочных пунктах, правды ждать нечего. На них – лихие реактивные истребители. Но под фотографиями забыли написать: «Кстати, если тебя на нем не собьют, ты умрешь на кресте, распятым чувством личной ответственности за всех тех, кого ты убил, пока летал на этом красавце».

И вовсе не какие-то недоноски Они, а именно ты, Ричард, глотаешь наживку и гордишься этим. Гордишься, как здоровенный карась, завернутый в изящную синюю форму пилота, которого подцепили на крючок с наживкой и волокут на встречу со смертью, свой собственной завидной почетной истинно патриотической бессмысленной дурацкой смертью.

И Соединенным Штатам будет наплевать, и ВВС, и генералу, который отдает приказы, будет тоже наплевать. И лишь один-единственный человек никогда не забудет и не простит того, что ты убил всех тех, кого ты вот-вот убьешь, и этот человек – ты сам. Ты и они, и их семьи. Вот она, твоя красота, Ричард...

Я повернулся и пошел прочь. Неужели наши жизни настолько предопределены тем, что нам вбили в голову, что их невозможно изменить? Ну, а я сам изменился бы, прислушался бы ко мне, если бы был на его месте?

Он не окликнул меня. Он просто заговорил, как будто даже не заметил, что я ушел: «Ты говоришь, „я несу за это ответственность“, что ты имеешь в виду?»

Какое странное чувство. Я говорил сам с собой, но у него уже была своя собственная голова на плечах, и я не мог вложить в нее свои мысли. Мы можем изменить нашу жизнь только в ту мимолетную вечность, которую мы называем «сейчас». Но достаточно пройти хоть одной секунде, и выбор буду делать уже не я, а тот другой.

Я напрягся, чтобы услышать его голос. «Сколько человек я лишу жизни?»

Я вернулся к нему. «В 1962 году тебя пошлют в Европу в составе 478-й эскадрильи тактических истребителей. Это назовут „Берлинским кризисом“. Ты выучишь наизусть курс к одной основной цели и двум запасным. Скорее всего, через пять лет ты сбросишь водородную бомбу на город Киев».

Я внимательно смотрел на него и продолжал: «Этот город известен своей киностудией и издательствами, но тебя нацелят на железнодорожный вокзал в центре города и на станкостроительные заводы на его окраине».

– Сколько человек?..

– Той зимой население Киева будет насчитывать 900 тысяч человек, и если ты выполнишь приказ, то несколько тысяч, выживших после взрыва, пожалеют о том, что они не погибли сразу.

– Девятьсот тысяч человек?

– Самообладание потеряно, национальная гордость поставлена на карту, угроза безопасности свободного мира, вспоминал я, – один ультиматум за другим...

– И я... сброшу эту бомбу? – Он напрягся, как струна, вслушиваясь в рассказ о своем будущем.

Я открыл рот, чтобы сказать нет, Советы пошли на попятную, но во мне запылала ярость. Такой же я, но только из альтернативного прошлого, где мир сгорел в ядерном пламени, схватил меня за глотку и заговорил неистовым, полосуящим как бритва, голосом, отчаянно пытаюсь добраться до его души.

– Конечно, сбросил! Я так же, как и ты не задавал вопросов! Я думал, что раз начинается война, то у президента есть для этого все основания, он принимает решения, он за все отвечает. И до того момента, пока мой бомбовоз не оторвался от взлетной полосы, мне и в голову не приходило, что президент вовсе не отвечает за эту сброшенную бомбу потому, что президент не умеет водить самолет!

Я попытался освободиться от мертвой хватки безумца, но не смог.

– Президент не сможет отличить кнопку запуска ракет от педали тормоза, наш главнокомандующий не сумеет даже запустить двигатель и вырулить на взлетную полосу – без меня он был бы всего лишь безобидным идиотом, восседающим в Вашингтоне, а мир продолжал бы существовать, не зная ядерной войны. Но, Ричард, у этого идиота был я! Он не знал, как уничтожить одним махом миллион человек, поэтому за него это сделал я! Его оружием была не бомба, а я! Тогда мне и в голову не приходило, что в мире лишь горстка людей умеет убивать миллионы, и без нас войны просто не может быть! Я уничтожил Киев, можешь ли ты поверить, что я сжег девятьсот тысяч человек потому, что какой-то сумасшедший... сказал мне, что я должен это сделать!

Молодой лейтенант смотрел на меня, открыв рот.

– А в ВВС тебя учили этике? – выдохнул я. – Тебе читали лекцию «Ответственность летчиков-истребителей за свои действия»? Такого не было и не будет! В ВВС учат: «выполняй приказ, делай то, что тебе говорят: воюй за свою страну, не рассуждая, за правое дело или неправое». Там не предупредят тебя, что тебе придется дальше жить со своей совестью, после всех этих правых или неправых дел. Ты выполнишь приказ и сожжешь Киев, а шесть часов спустя отличный парень, Павел Чернов, выполнит свой приказ и превратит Лос-Анджелес в гигантский крематорий. Все погибнут. Если, убивая русских, мы убиваем сами себя, зачем же тогда вообще убивать?

– Но я... я поклялся выполнять приказы!

В ту же секунду сумасшедший, отчаявшись, отпустил мое горло и исчез. Я еще раз попытался убедить его логикой.

– А что они тебе сделают, если ты пощадишь миллион человеческих жизней, если ты не выполнишь приказ? – сказал я. – Признают тебя профессионально непригодным? Отдадут под трибунал? Расстреляют тебя? Что же, твое наказание будет хуже того, что ты мог бы сделать с Киевом?

Он долго молчал, глядя на меня. «Если бы Вы сказали мне что-нибудь на прощанье, – наконец вымолвил он, – а я обещал бы это запомнить, что бы вы мне сказали? Что вам стыдно за меня?»

Я вздохнул, внезапно почувствовав, что ужасно устал. «Знаешь, малыш, мне было бы в тысячу раз легче, если бы ты был просто болваном, утверждающим, что выполняя приказ, ты поступаешь всегда правильно. Ну почему ты все же такой славный малый?»

– Потому, что я – это вы, сэр, – ответил он.

Я почувствовал чье-то прикосновение, оглянулся и увидел водопад золотых волос, омытых лунным светом.

– Ты представишь меня? – спросила Лесли. Она стояла в тени и была похожа на добрую фею ночи. Я тут же внутренне подтянулся, догадавшись, что она задумала.

– Лейтенант Бах, – отчеканил я. – Познакомьтесь с Лесли Парриш. Твоя будущая жена, близкая тебе по духу, которую ты так долго ищешь и найдешь в конце многих приключений, когда твоя жизнь изменится к лучшему.

– Привет, – сказала она.

– Я... э-э.. здравствуйте, – запинаясь пробормотал он. – Вы сказали... моя жена?

– Такое время, наверное, придет, – сказала она тихо.

– А вы не путаете меня с кем-нибудь?

– Сейчас на свете живет юная Лесли, – сказала моя жена, – она только начинает свою самостоятельную жизнь и думает о том, кто ты, где ты, когда вы с ней встретитесь...

Молодой человек был просто поражен, увидев Лесли. Долгие годы он видел ее в своих мечтах, любил ее, знал, что она существует в этом мире и ждет его.

– Я не могу поверить, – сказал он. – Вы пришли из моего будущего?

– Одного из нескольких возможных, – ответила она. – Но как мы можем встретиться, где вы находитесь сейчас? – Мы не можем встретиться до тех пор, пока ты служишь в армии. В некоторых вариантах твоего возможного будущего мы вообще не встретимся.

– Но, если мы связаны духовно, мы обязательно должны встретиться!

– запротестовал он. – Родственные души рождаются для того, чтобы прожить жизнь вместе! Она чуть-чуть отступила назад. «А может и нет».

Никогда она не была так прекрасна, как в эту ночь, подумал я. Как он жаждет устремиться в полет сквозь время, чтобы найти ее!

– Я думал, что никто не сможет... какая сила может не дать встретиться людям, связанным духовно? – спросил он.

Кто отвечал ему, моя жена или Лесли из какого-то альтернативного времени?

– Мой дорогой Ричард, а как насчет того будущего, где ты сбросишь бомбу на Киев, а твой русский друг, летчик, разбомбит Лос-Анджелес? Съёмочный павильон студии «20 век – Фокс», где я буду в тот момент работать, расположит всего в километре от эпицентра взрыва. Я умру через секунду после падения первой бомбы.

Она повернулась ко мне, в ее глазах мелькнул ужас от того, что наши жизни могли закончиться так бессмысленно. «Может прийти и такое будущее, – кричала Лесли из альтернативной жизни... люди, связанные духовно, не всегда встречаются!»

Я тут же обнял ее, прижал к себе, и ужас в ее глазах пропал. «Мы не можем этого изменить», – сказал я.

Она кивнула, страдания ее утихли, она поняла все еще раньше меня. "Ты прав, – печально подтвердила она. Затем повернулась к лейтенанту.

– Здесь выбор делаем не мы. Ты сам должен сделать этот выбор".

Нам больше нечего было добавить, мы сказали ему все, что могли. Где-то в нашем параллельном будущем Лесли поступила так, как учила Пай. Настало время уходить, и она закрыла глаза, представила океан, скрывающий книгу судеб, и потянула ручку газа нашего Ворчуна.

Ночное небо, истребители, военно-воздушная база – все начало вибрировать, молодой лейтенант закричал: «Подождите!...»

И все исчезло.

«Боже милосердный, – подумал я. – Взрослых и детей, влюбленных и разведенных, пекарей и библиотекарей, актрис, музыкантов и комедиантов, этот лейтенант убьет их всех, убьет без жалости, когда ему только прикажет какой-то безымянный президент. Котят, птичек, деревья и цветы, фонтаны, музеи, книги и картины, он сожжет в ядерном пламени свою любимую, вторую половинку своей души, и никакие слова, что бы мы там ни говорили, его не остановят. Он – это я, но я не могу его остановить!»

Лесли, прочитав мои мысли, нежно взяла мою руку. «Ричард, любимый мой, послушай. Может быть, мы и не смогли бы его остановить», – сказала она. «А может быть, мы его уже остановили».

Лесли потянула на себя ручку газа, и наш Ворчун устремился в небо. Метрах в тридцати над водой она сбросила скорость до крейсерской и перешла в горизонтальный полет.

Океан играл яркими бликами, но в нашей кабине клубилась туча отчаянья – как же разумные человеческие существа могут воевать, уничтожая друг друга? Казалось, сама мысль о том, что война вообще возможна, только сейчас впервые пришла нам в голову, мы заново увидели безумие братоубийства и уже не могли больше мириться с тем, что с мрачной покорностью принимали в нашей жизни.

– Пай, – спросил я наконец, – почему же из всей этой бесконечной картины альтернативных миров мы приземлились и именно здесь? Почему мы встретили Ричарда у его истребителя?

– А вы как думаете? – спросила она в ответ.

– Он был молод и не знал, что делать?

– Перспектива? – предположила Лесли. – В его жизни настал момент, когда надо было вспомнить о могуществе, скрытом в свободе выбора?

Пай кивнула.

– Вы оба правы.

– А цель нашей встречи, – начал я, – в том, чтобы научиться использовать перспективу?

– Нет, – сказала она. – Никакой цели нет. Вы попали сюда случайно.

– Ты шутишь! – воскликнул я.

– Вы не верите в случайности? Ну тогда вам придется поверить в то, что вы сами проложили сюда курс и несете за это ответственность.

– Но я-то сюда точно не собирался... – пробормотал я и посмотрел на Лесли. Между собой мы часто шутим, что Лесли может заплутать в двух соснах, но в полете прокладывает курс намного лучше меня.

– Штурман я, – сказала она и улыбнулась.

– Она думает, что все это шутка, – продолжала Пай. – Но без нее ты бы сюда не смог попасть, Ричард. Понимаешь?

Я кивнул.

– В нашей семье я увлечен чтением книг о жизни после смерти и путешествиях в тонком теле. Лесли их почти не читает, зато она читает мысли и видит будущее...

– Ричард, это вовсе не так! Ты прекрасно знаешь, что я всегда относилась к этому скептически...

– Всегда? – переспросил я.

– Ну... то просто не считается, – сказала она, прочитав мои мысли. – Я была еще совсем маленькой. И мне это не понравилось, поэтому я покончила с этим навсегда!

– Лесли говорит, что ее дар предвидения был настолько силен, что ей стало страшно, – сказала Пай, – поэтому она решила спрятать его подальше и старается изо всех сил подавить его. Трезвомыслящие скептики не любят пугать себя знакомством с необычными способностями.

– Мой дорогой штурман, – сказал я, – что же здесь удивительного. Ведь не ты хотела вернуться в наш обычный мир, а я. И не я могу силой мысли заставить Ворчуна взлететь, а ты.

– Что за глупости, – запротестовала Лесли. – Да я бы никогда не полетела на гидросамолете и вообще не села бы в самолет, если бы не ты! И вся эта поездка в Лос-Анжелес была твоей идеей...

– Что правда, то правда. Именно я уговорил Лесли покинуть ее любимые цветы и отправиться в Спринг-Хилл. Но новые идеи – это наша жизнь: духовный рост и радость,

напряженная работа и отдых. Из ниоткуда к нам приходят вопросы, они дразнят и мучают нас, а заманчивые ответы приплясывают там, в дали, зовя нас к разгадке, требуя, чтобы мы выразили наше новое знание, или подсказывают, куда нам отправиться и что нам надо сделать. Мы с Лесли очень любим новые идеи.

И тут же мне захотелось узнать, почему это так.

– Пай, откуда к нам проходят идеи? – спросил я.

– Влево на 10 градусов, – ответила она.

– Что ты сказала? – переспросил я. – Нет, я говорю идеи... Они просто... появляются так неожиданно. Почему?

– В этой картине скрыт ответ на любой вопрос, – сказала она. – Сделай поворот влево, сейчас уже на 20 градусов, и иди на посадку.

С нашим новым другом, столь продвинутым духовно, я чувствовал себя, как когда-то с летным инструктором – пока он был рядом, я не боялся сделать даже самый рискованный трюк.

– О'кей, дорогая? – спросил я жену. – Ты готова?

Она кивнула, предвкушая новое приключение.

Я развернул гидросамалет и, следуя указаниям Пай, начал снижаться. – Выровняйся над этой яркой желтой полосой, вперед, добавь чуть-чуть газа, – и наконец, – здесь! Точная посадка!

Место, куда мы попали, было похоже на гигантскую адскую кухню. В печах бушевало и ревело пламя. Под самой крышей, покачиваясь, плыли чудовещные ковши с расплавом, подвешенные к мостовым кранам.

– О, боже... – сказал я.

По ближайшему проходу подкатила небольшая электротележка, с нее спрыгнула стройная девушка в комбинезоне и защитной каске и направилась к нам. Может быть, она и поздоровалась, но в этом грохоте металла и реве пламени слов было не разобрать.

Она оказалась хрупкой девушкой с ярко-голубыми глазами, из-под каски струились белокурые локоны.

– Неплохое местечко, правда? – прокричала она вместо приветствия. Судя по ее голосу, она гордилась этим заводом. Конечно, они вам ни к чему, – сказала она, протягивая нам защитные каски, – но, если начальство заметит, что мы без касок... – Она усмехнулась и чиркнула пальцем по горлу.

– Но мы не можем прикоснуться... – начал я.

Она покачала головой.

– Все правильно. Но здесь вы можете.

И конечно же, мы не только смогли взять в руки эти каски, но они пришились нам как раз в пору. Она махнула рукой, чтобы мы следовали за ней.

Я глянул на Лесли: кто же эта незнакомка? Она прочитала мои мысли и пожала плечами – я не знаю.

– Послушайте, как вас зовут? – крикнул я.

Девушка в недоумении остановилась.

– Вы придумали для меня так много имен, но все они уж больно официальные! Она пожала плечами и улыбнулась. – Зовите меня Тинк.

Она проворно вела нас к металлической лестнице и по дороге рассказывала об этом гигантском заводе.

– Сначала руда поступает по транспортерам в грохоты, установленные снаружи, потом проходит промывку и попадает в главный мерный бункер...

– О чем ты нам рассказываешь? – спросил я.

– Если вы пока не будете задавать вопросы, – сказала она, – то, возможно, я отвечу на

большинство из них просто по ходу дела.

– Но мы не...

Она показала рукой.

– По пути расплав проходит продувку ксеноном, а затем вливается в эти изложницы, их стенки на 20 микрон покрыты порошковым хондритом. – Она улыбнулась и махнула рукой, предупреждая наши вопросы. – Нет-нет, кристаллизация начинается без вмешательства хондрита, просто так легче извлекать слитки из изложницы!

Это были оранжевые слитки, но не стали, а какого-то стекла, остывая, они становились почти прозрачными.

Рядом выстроилась шеренга промышленных роботов, которые подобно гранильщикам алмазов, лихо превращали эти блоки-полунеvidимки в бруски, кубы и ромбоиды.

– Здесь блоки гранят и заряжают энергией, – продолжала Тинк, – все они, конечно, отличаются друг от друга...

С нашим экскурсоводом по этому загадочному заводу мы бодро поднялись по металлической лестнице и зашли в шлюзовую камеру.

– Это этаж окончательной доводки, – гордо сказала она. – Вот, что вы так хотели увидеть!

Мы шагнули вперед. Двери перед нами автоматически распахнулись, а потом захлопнулись за нашей спиной.

Грохот стих. Здесь было тихо, чисто и очень аккуратно. Поперек огромного зала тянулись рабочие столы, покрытые мягким фетром, и на каждом из них покоился отполированный кристалл – скорее творение безмолвного искусства, чем изделие тяжелой промышленности. Люди работали молча и очень сосредоточенно. Куда мы попали – в сборочный цех космического центра?

Мы остановились у стола, за которым в вертящемся кресле сидел здоровенный молодой парень. Он внимательно изучал кристалл(я легко мог бы в нем уместиться), закрепленный в установке, напоминающей ультрасовременный револьверный станок. Вещество было едва различимым, скорее намек на объем чем-то заполненного пространства, но его грани изумительно сверкали. В кристалле мы увидели сложное переплетение разноцветных лучей, словно в нем мерцали спирали лампочек или были спрятаны минилазеры. Парень нажал на какие-то клавиши установки, и в кристалле что-то переменилось.

Я дотронулся до плеча Лесли, показал на кристалл и потрянул головой, пытаюсь вспомнить. Где мы его раньше видели?

– Он проверяет, все ли связи закончены, – прошептала Тинк, – достаточно нарушиться хотя бы одной, и весь блок пойдет в брак.

Услышав ее слова, парень повернулся и увидел нас.

– Привет! – сказал он так, словно мы были его старыми добрыми друзьями. – Рад вас видеть.

– Привет! – ответили мы.

– Мы знакомы? – спросил я.

Он улыбнулся, и сразу мне понравился.

– Знакомы? Конечно. Хотя, наверное, вы меня не помните. Меня зовут Аткин. Один раз я был твоим укладчиком парашюта, другой – учителем дзена... Нет, пожалуй, тебе меня не вспомнить. – Он пожал плечами, ему это было не важно.

Я подыскивал слова.

– Что... что ты сейчас здесь делаешь?

– Посмотрите сами. – Он указал на окуляры микроскопа, установленного рядом с кристаллом. Лесли глянула в микроскоп.

– О, боже! – вырвалось у нее.

– Что такое?

– Это...это не стекло, Ричи. Это – идеи! Похоже на спицы в колесе, они все взаимосвязанны!

– Расскажи, что там написано.

– Здесь нет слов, – продолжала она. – Мне кажется, что каждый, как может, должен сам выразить их словами.

– А какие слова нашла бы ты? Попробуй, скажи!

– Ах! – восторженно воскликнула она. – Ты только на это посмотри.

– Скажи словами, – попросил я. – Пожалуйста.

– Ладно. Я попробую. Здесь о...том, как трудно сделать правильный выбор и как важно всегда стараться поступать самым лучшим, как нам самим кажется, образом... и о том, что мы на самом деле знаем, как лучше всего поступить! – Она извинилась перед Аткином. – Я знаю, что рассказываю не совсем точно. Вы не могли бы прочесть нам вслух вот этот серебристый кусочек?

Аткин снова улыбнулся.

– У вас очень хорошо получается, – сказал он, заглянув в другую пару очков. – Здесь сказано: «Небольшая перемена сегодня принесет нам совершенно другой завтрашний день. Тех, кто выбирает верхний, трудный путь ждет щедрая награда, но она спрятана на долгие годы. Люди делают выбор вслепую, не задумываясь, а мир вокруг нас не дает нам никаких гарантий». А рядом с этим, видите? «Единственный способ избежать выбора, пугающего нас, – это стать отшельником, но такой выбор может испугать любого». А это связано вот с чем: "Наш характер закаляется, когда мы следуем нашему высшему чувству справедливости, когда мы верим в идеалы, не требуя подтверждения, что они существуют для всех. Одна из задач, которую мы должны решить во время наших приключений на этой земле, – суметь подняться над мертвыми системами – войнами, религиями, разрушением, перестать быть их частью, а вместо этого суметь выразить свое высшее "Я", которое известно каждому из нас".

– А вот, Ричи, послушай это, – сказала Лесли, вглядываясь в кристалл. – «Никто не может избавить от проблем человека, главная проблема которого в том, что он не хочет от них избавляться.» Я правильно это поняла? – спросила она Аткина.

– Точно! – подтвердил он.

Она снова заглянула в очки, обрадовавшись, что начала понимать скрытый смысл.

– "И не важно, что мы многое умеем и многое заслужили, мы никогда не достигнем лучшей жизни, пока не сможем ее представить и не позволим себе жить именно так. " Боже, это истинная правда!

– Вот на что похожа идея, когда мы закрываем глаза и думаем о ней! – Она с восхищением улыбнулась Аткину. – Все скрыто здесь, все взаимосвязи, есть ответы на любой вопрос, который мы можем себе задать. Можно просмотреть цепочку в любую сторону. Это великолепно!

– Благодарю вас, – сказал Аткин.

Я повернулся к нашему экскурсоводу.

– Тинк! Получается, что идеи приходят к нам из литейного цеха? Со сталеплавильного завода?

– Они не могут быть сделаны из воздуха, – сказала она очень серьезно, – мы не можем делать их из шоколада! Человек доверяет свою жизнь тому, во что верит. Его мысли должны поддержать его в трудную минуту, выдержать груз вопросов, которые он задает самому себе, а кроме того, бремя тысяч или десятков тысяч всевозможных критиков, циников и любителей разрушать. Идеи человека должны вынести тяготы всех последствий, к которым они приведут!

Я оглядел этот огромный зал с сотнями столов и покачал головой. Да, конечно, наши лучшие мысли всегда приходили к нам в готовом и законченном виде, но я не мог принять мысль о том, что они приходили к нам из...

– Очень плохо, когда мы отказываемся от того, во что верим, – сказала Тинк, – но еще хуже, когда идеи, в которые мы верили всю свою жизнь, оказываются ложными. – Она нахмурилась и сказала четко и решительно: – Конечно, они приходят из литейного цеха! Но они не из стали. Сталь бы не выдержала.

– Это замечательно! – воскликнула Лесли, снова углубившись в чтение кристалла. Она была похожа на капитана под водной лодки у перископа. – Ричи, посмотри сам!

Она уступила мне место у микроскопа и повернулась к Аткину.

– Я поражена, – сказала она. – Здесь...все так точно выражено, так хорошо продумано!

– Мы стараемся, – скромно ответил он. – Над этим блоком стоит поломать голову. Это одна из основополагающих идей под общим названием «Выбор», а если в такой идее будет дефект, человеку придется просто замереть на месте до тех пор, пока он не разберется, в чем ошибка. Наша работа ведь не в том, чтобы останавливать вас, а в том, чтобы помочь вам идти вперед.

Его голос доносился до меня все глуше и глуше – настолько меня захватила картина, скрытая в кристалле.

Она казалась удивительной и в то же время знакомой. Удивительной от того, что разноцветные лучи и сверкающие плоскости моментально превращались в готовую мысль. Знакомой потому, что я был уверен, что уже видел все это, лежа с закрытыми глазами, когда мысли вспыхивают в голове, как падающие звезды.

«Как же мы ловим идеи в сеть? – подумал я. – Ведь все в этом мире: от музыки и математики до проклятия и орбитальной станции, все воплощенное в жизнь – это сеть, наброшенная на идею».

Я заметил фиолетовое мерцание и постарался как можно лучше высказать эту идею вслух. «Неприятности – это еще не самое плохое из того, что может с нами произойти. Хуже всего, когда с нами НИЧЕГО не происходит!» Я спросил у Аткина:

– Похоже?

– Слово в слово, – ответил он.

А там, в кристалле, фиолетовый сменился на темно-синий. «Легкая жизнь ничему не учит. А главное в нас – это накопленный нами опыт: чему мы научились и как мы выросли».

Я увидел изумрудную полосу, проходящую через алмазную грань: «В нашей жизни мы можем найти себе оправдания, или здоровье, любовь, понимание, приключения, богатство и счастье. Мы создаем нашу жизнь, используя мощь сделанного нами выбора. Мы чувствуем себя совершенно беспомощными, когда мы уклоняемся от возможности сделать выбор, когда мы не хотим строить свою жизнь сами».

Третий уровень соединял эти две плоскости и, казалось, усиливал всю конструкцию. «Каждому из нас при рождении дают глыбу мрамора и резец скульптора.» Рядом плавала параллельная мысль. «Мы можем таскать эту глыбу за собой, так к ней и не прикоснувшись, мы можем раздробить ее в мелкую крошку, но в наших силах создать из нее великое творение красоты.» Параллельно этому: «Нам оставлены примеры, созданные всеми другими прожитыми жизнями: законченные и незавершенные, направляющие нас на истинный путь и предостерегающие от ошибок.» А рядом – диагональ, соединяющая конец с началом: «Когда наша скульптура почти завершена, мы можем навести последний глянец, отполировав то, что мы начали многие годы назад. Именно тогда мы можем шагнуть далеко вперед, но для этого мы должны научиться видеть сквозь покрывало времени».

Я молча вчитывался, как пчела, пьющая нектар из цветка.

«Мы сами создаем окружающий нас мир. Мы получаем именно то, что заслужили. Как же мы можем обижаться на жизнь, которую мы создали для себя сами? Кого винить, кого благодарить, кроме нас самих? Кто, кроме нас, может изменить ее, как только пожелает?»

Я повернул окуляры и увидел, что во все стороны расходятся дополнения.

«Любая идея, чарующая нас, совершенно бесполезна до тех пор, пока мы не решим ею воспользоваться.»

Конечно, подумал я. В новой идее сильнее всего нас манит желание испытать ее в деле. И в тот момент, когда мы испытываем ее на себе, запускаем ее в жизнь, она превращается из «а-что-если» в лодку, несущую нас в отважное плавание по бурной реке.

Как только я отошел от окуляров, хрустальный блок снова превратился в произведение искусства. Я чувствовал, что в нем таится большая сила, но уже не понимал скрытого в нем смысла, не ощущал той радости. Если бы это была идея, пришедшая мне в голову, так просто избавиться от нее было бы невозможно.

– ...так же, как звезды, планеты и кометы притягивают к себе пыль, – рассказывал Лесли Аткин, обрадованный тем, что ей очень понравилась его работа, – мы являемся центрами мысли и притягиваем к себе всевозможные идеи: от озарений интуиции до таких сложных мысленных систем, что на их основание требуется несколько жизней.

Он повернулся ко мне.

– Вы закончили?

Я кивнул. Он без промедления нажал какую-то клавишу, и кристалл исчез. Увидев изумление на моем лице, Аткин сказал:

– Он не исчез. Ушел в другое измерение.

– Пока вы здесь, – предложила Тинк, – может быть, вы хотели бы что-то передать другим аспектам вашего "Я"?

Я моргнул.

– Что вы говорите?

– Что может пригодиться человеку, живущему в ином мире, из того, чему вы научились? Если бы вы захотели изменить чью-то жизнь, подарить кому-нибудь отличную мысль, как бы она звучала?

Мне на ум пришел афоризм: «Нет такого несчастья, которое не могло бы стать для вас благословением, и нет такого благословения, которое не могло бы обернуться несчастьем.»

Тинк глянула на Аткина и улыбнулась, исполненная гордости.

– Прекрасная мысль, – сказала она, – а она вам самим пригодилась?

– Пригодилась? – воскликнул я. – Да на ней уже вся краска стерлась – так часто мы ею пользуемся. Мы теперь уже не спешим с выводами – что хорошо, а что плохо. Наши несчастья оказались лучшим из того, что случилось в нашей жизни. А то, что мы считали подарком судьбы, стало проклятием!

– А что для вас хорошо и плохо? – как бы мимоходом спросил Аткин.

– Хорошее приносит нам долгую радость, плохое приносит на долгую грусть.

– А что такое «долго»? – Годы. Целая жизнь. Он молча кивнул. – Где вы берете свои идеи? – спросила Тинк. Она улыбалась, но я чувствовал, что для нее это был очень важный вопрос.

– А ты не будешь смеяться?

– Постараюсь.

– Их дарит фея сна, – сказал я. – Она приносит их, когда мы крепко спим или когда начинаем просыпаться, но еще не в силах ничего записать.

– А еще есть фея утреннего умывания, – подхватила Лесли, – фея прогулки и фея долгой поездки, фея бассейна и фея нашего сада. Лучшие мысли приходят к нам в самое неподходящее

время, когда мы стоим мокрые в душе или работаем в саду, измазавшись по уши, а под рукой, конечно, нет записной книжки. Словом, когда их труднее всего записать. Но они так много значат для нас, что нам удастся сохранить почти каждую из них. Если мы когда-нибудь встретим нашу дорогую фею идей, мы просто задушим ее в объятиях – вот как мы ее любим!

И тут Тинк закрыла лицо руками и разрыдалась.

– О, спасибо, спасибо вам, – сказала она, всхлипывая. – Я так стараюсь помочь... Я вас тоже очень люблю!

Я остолбенел.

– Так это ты – фея идей?

Она кивнула.

– Здесь всем руководит Тинк, – тихо сказал Аткин, снова готовя свой станок. – Она очень серьезно относится к своей работе.

Девушка вытерла слезы кончиками пальцев.

– Я знаю, что вы называете меня разными глупыми именами, – сказала она, – но главное, что вы прислушиваетесь. Вы удивляетесь, почему чем больше идей вы используете, тем больше их вам приходит? Да потому, что фея идей знает, что она для вас что-то значит. И чем больше она значит для вас, тем важнее вы для нее. Я говорю всем, кто здесь работает, мы должны отдавать все самое лучшее, потому что эти идеи не просто витают в нуль-пространстве, они приходят к людям! – Она достала платочек. Простите, что я расплакалась. Я не знаю, что на меня нашло. Аткин, пожалуйста, забудьте это...

Он посмотрел на нее без улыбки.

– Что забыть, Тинк.

Она повернулась к Лесли и начала рассказывать.

– Вы должны знать, что каждый из работающих на этом этаже по меньшей мере в тысячу раз умнее меня...

– Все дело в очаровании, – сказал Аткин. – Мы все раньше были учителями, мы любим эту работу, и иногда мы не так уж плохо с ней справляемся. Но только Тинк может придать всему очарование. А не будь притягательной силы очарования, даже самая прекрасная идея во вселенной останется просто мертвым стеклом, и никто к ней не прикоснется. Но когда к вам приходит идея, посланная феей сна, она настолько очаровательна, что вы не можете от нее отказаться, и идея отправляется в жизнь, изменяя целые миры.

Я подумал, раз эти двое нас видят, значит они – это мы из альтернативной жизни, они просто выбрали другие пути на этой карте судеб. И все же я не мог в это поверить. Фея идей это мы сами? Неужели другие уровни нашего "Я" многие жизни шлифуют знание, доводя идеи до кристальной ясности, надеясь, что мы увидим и воспользуемся ими в нашем мире?

В этот момент к нам подкатил маленький робот, державший в манипуляторах кристалл, под тяжестью которого тихонько поскрипывали шины. Робот осторожно установил пока еще незаполненный кристалл на стол Аткина, дал два мелодичных звонка и укатил вдаль по проходу.

– Отсюда, – спросил я, – ...все идеи? Изобретения? Ответы?

– Не все, – сказала Тинк, – есть ответы, которые вы находите сами, основываясь на своем жизненном опыте. Отсюда приходят только самые неожиданные, на которые вы наталкиваетесь, когда освобождаетесь от наваждения повседневности. Мы просто просеиваем бесчисленные возможности и отбираем те, которые вам понравятся!

– А замысел книги? – спросил я. – «Чайка Джонатан Ливингстон» тоже пришла отсюда?

– Роман о чайке был для тебя просто идеален, – нахмурилась она, – но ты тогда еще только начинал писать и ничего не хотел слушать.

– Тинк, я слушал!

Ее глаза вспыхнули.

– И он еще говорит, что слушал! Ты хотел писать, но чтобы в этом не было ничего слишком необычного. Я из сил выбилась, пытаюсь до тебя достучаться.

– Выбилась из сил?

– Пришлось прибегнуть к воздействию на психику, – сказала она, и воспоминания наполнили ее голос отчаянием, – я этого страшно не люблю. Но если бы я тогда не прокричала тебе в ухо название книги, если бы не прокрутила весь сюжет прямо перед твоим носом, бедный Джонатан был бы обречен!

– Неправда, ты не кричала.

– Ну ладно, но я готова была закричать после всех моих попыток добраться до тебя.

Так я тогда слышал голос Тинк! Это было темной ночью, очень и очень давно. Никакого крика, наоборот – совершенно спокойный голос произнес: «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Поблизости никого не было, и, услышав этот голоса я перепугался до полусмерти.

– Спасибо, что ты поверила в меня, – сказал я.

– Да уж не за что, – сказала она, смягчившись.

Она торжественно посмотрела на нас.

– Вокруг вас всегда витает много идей, но очень часто вы просто не хотите их видеть! Когда вы ждете вдохновения – вам нужны новые идеи. Когда вы ждете наставления на путь истинный – идеи показывают вам верный путь. Но вы должны быть внимательными! И только вы сами можете заставить идею воплотиться!

– Так точно, мэм, – сказал я.

– «Джонатан» был последним замыслом книги, который я тебе телепатировала, надеюсь, ты заметил!

– Нам больше не нужны фейерверки, – уверил я ее. – Мы верим в тебя.

Тинк ослепительно улыбнулась.

Аткин хмыкнул и повернулся к своему станку.

– Ну, пока, ребята, – сказал он. – До встречи.

– А мы еще увидимся? – спросила Лесли, мысленно берясь за ручку газа Ворчуна.

Директор фабрики идей встряхнула головой.

– Конечно. А пока к каждой мысли, которую мы вам посылаем, я буду прибавлять записку от себя. Не спешите выскакивать из постели. Побольше гуляйте и работайте в саду!

Мы помахали ей рукой, и комната растворилась, исчезла в уже привычном хаосе. А в следующее мгновение мы снова оказались в нашем гидросамолете, готовом оторваться от воды. Впервые, с тех пор как началось это необычное путешествие, мы улетали, и у нас на душе было легко.

– Пай! – воскликнула Лесли. – Спасибо тебе за эту радость!

– Мне приятно, что я смогла обрадовать вас перед тем, как я вас покину.

– Ты уходишь от нас? – неожиданно встревожился я.

– Ненадолго, – ответила она. – Вы знаете, как найти тех, кого вы хотите увидеть, и очутиться там, где вы можете чему-нибудь научиться. Лесли знает, как вернуться в самолет, и ты тоже этому научишься, Ричард, когда ты научишься доверять своим внутренним ощущениям. Вам больше не нужен наставник.

Она улыбнулась, как улыбается инструктор, отправляя своих учеников в первый самостоятельный полет.

– Возможности бесконечны. Доверяйте себе, и вы окажетесь там, где вам важнее всего побывать. Учитесь новому вместе. Мы еще увидимся.

Улыбка, ослепительная голубая вспышка, и Пай исчезла.

– А без Пай здесь не так уютно, правда? – спросила Лесли, глядя вниз. – Там вроде стало темнее.

– Жаль, что мы не успели о многом ее спросить. – Я поежился.

– А почему она была так уверена, что мы справимся? спросила Лесли.

– Если она – это мы, только ушедшие далеко вперед, – ответил я, – она должна знать наверняка.

– А-а.

– Может, выберем место и посмотрим, что случиться?

Она кивнула. И мы пошли на посадку.

Мы очутились посреди луга. Казалось, что вокруг нас плещется изумрудное озеро, заключенное в чашу из гор. В малиновых облаках пламенел закат. Швейцария, тут же решил я, мы приземлились на открытке с видом Швейцарии. В долине, среди деревьев были разбросаны домики с остроконечными крышами, белела колокольня. По деревенской дороге тащилась телега. Ее тянул не трактор и не лошадь, а животное, похожее издали на корову.

Поблизости не было не души, а на лугу – ни дорожки, ни козьей тропки. Только озеро травы с васильками, да горы с заснеженными вершинами стояли безмолвным полукругом.

– Слушай, зачем, по-твоему... – начал я. – Где мы?

– Во Франции, – не задумываясь, ответила Лесли, и прежде чем я успел спросить, откуда она это знает, Лесли шепнула: Смотри!

Она указывала на расщелину в скале, где возле небольшого костра стоял на коленях старик в одеянии из грубого коричневого полотна. Он работал паяльной лампой – перед ним по камням плясало яркое бело-желтое пламя.

– Что это он здесь паяет? – удивился я.

Лесли посмотрела на старика.

– Он не паяет. – Мне показалось, что она говорит так, словно эта сцена не происходила у нее перед глазами, а всплывала в ее памяти. – Он молится.

Она направилась к старику, а я пошел за ней, решив больше не задавать вопросов. Может быть, в этом отшельнике она увидела себя.

Мы подошли поближе – там, конечно же, никакой паяльной лампы не было. В метре от старца над землей беззвучно пульсировал столб ослепительного солнечного света.

– ...и в мир отдашь ты то, что было тебе передано, – донесся удивительно добрый голос. – Отдашь тем, кто жаждет познать правду о том, откуда мы приходим сюда, зачем мы существуем, узнать о том пути, который мы должны пройти по дороге к нашему вечному дому.

Мы остановились в нескольких метрах от старца, ошеломленные этим зрелищем. Однажды, много лет назад, я уже видел этот сияющий свет. Тогда я был поражен, случайно, краешком глаза увидев то, что по сей день я называю Любовью. Сейчас мы видели точно такой же свет, он был настолько ярким, что мир вокруг казался призрачным видением.

А затем свет погас. На том месте, где он полыхал, на земле лежал свиток золотистой бумаги.

Старик безмолвно стоял на коленях, не догадываясь о том, что мы были рядом.

Лесли шагнула вперед и подняла с земли мерцающий манускрипт. Мы ожидали увидеть руны или иероглифы, но слова были написаны по-английски очень красивым почерком. Конечно, подумал я. Старик прочтет этот свиток по-французски, а перс на фарси. Значит, он содержит в себе откровение – доносит до нас не слова, а идеи.

«Вы – существа света», – прочли мы. «Из света вы пришли, в свет вы уйдете, и каждый пройденный вами шаг озаряет свет вашей бессмертной жизни».

Она перевернула страницу.

По вашему собственному выбору сейчас пребываете вы в мире, вами же созданном. Что держите в сердце своем, исполнится, чему поклоняетесь, тем вы и станете.

Не бойтесь и не приходите в смятение, увидев призраков тьмы, личину зла и пустые покровы смерти – вы сами выбрали их себе в испытание. Они – камни, на которых оттачиваете вы остроту граней вашего духа. Знайте, что реальность мира любви незримо всегда подле вас и в любой момент вам даны силы преобразить ваш собственный мир тем, чему вы научились.

Страниц было очень много, несколько сотен. Мы в благоговении перелистывали свиток.

Вы – сама жизнь, находящая новые формы. И пасть от меча или долгих лет вы можете не более, чем погибаете вы на пороге, переходя из одной комнаты в другую. Каждая комната дарит вам свое слово – вам его высказать, а каждый переход свою песню – вам ее спеть.

Лесли посмотрела на меня, ее глаза светились. Если эти слова так тронули нас, пришедших из двадцатого века, подумал я, как же сильно они могут подействовать на людей, когда на дворе какой-то там... век двенадцатый!

Мы вновь обратились к рукописи. Никаких ритуалов, никаких указаний, как надо поклоняться, нет обещаний ниспослать огонь и разрушение на врагов и всякие напасти на неверующих, нет жестоких варварских богов. Нет и упоминания о храмах, священниках, прихожанах, хорах, богоугодных одеждах и святых днях. Этот свиток был написан для исполненного любовью существа, живущего в каждом из нас, и только для него.

Если эти идеи выпустить в мир в этом веке, подумал я, дать ключ к осознанию нашей власти над миром иллюзий, освободить от пут силу любви, то ужас исчезнет. и тогда мир сможет обойтись без Темных Веков в своей истории!

Старик открыл глаза, заметил нас и встал. В нем не было страха, будто он уже успел прочесть этот свиток. Он глянул на меня, потом пристально посмотрел на Лесли.

– Я – Жан Поль Леклерк, – сказал он. – А вы – ангелы. Не успели мы прийти в себя от изумления, как слышали его радостный смех.

– А вы заметили, – спросил он, – Свет?

– Наитие! – сказала моя жена, вручая ему золотистые страницы.

– Воистину, наитие. – Он поклонился, словно вспомнил ее, и она, по меньшей мере, была ангелом. – Эти слова – ключ к истине для любого, кто их прочтет, сама жизнь – для тех, кто их услышит. Когда я был еще совсем маленьким, Свет обещал, что этот свиток попадет ко мне в ту ночь, когда придете вы.

– Они изменяют этот мир, – сказал я.

Он с удивлением посмотрел на меня.

– Нет.

– Но они были даны тебе...

– ...в испытание, – закончил он.

– Испытание?

– Я много путешествовал, – сказал старец, – изучал писания многих верований, от Китая до земель викингов. – Его глаза блеснули. – И несмотря на все мои изыскания, кое-чему я все же научился. Каждая из великих религий берет свое начало из света. Однако утверждать свет могут только сердца. Бумага не может.

– Но в ваших руках... – начал я. – Вы должны это прочесть. Это прекрасно!

– В моих руках бумага, – сказал старец. – Если выпустить эти слова в мир, их поймут и полюбят те, кто уже знает их истинность. Но перед тем, как подарить их миру, мы должны их

как-то назвать. А это их погубит.

– Разве дать название чему-то прекрасному – значит погубить ?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Нет беды в том, что мы даем название какой-нибудь вещи. Но дать название этим идеям – значит создать новую религию.

– Почему же ?

Он улыбнулся и протянул мне манускрипт.

– Я вручаю этот свиток тебе...

– Ричард, – подсказал я.

– Я вручаю этот свиток, явленный самим Светом Любви тебе, Ричард. Желаешь ли ты, в свой черед, отдать его миру, людям, жаждущим знать, что в нем написано, тем, кому не дана была высокая честь пребывать в этом месте, когда вручен был сей дар? Или ты хочешь оставить это писание лично для себя?

– Конечно, я хочу отдать его людям!

– А как ты назовешь свой подарок человечеству?

«Интересно, к чему он клонит, – подумал я. – Разве это важно?».

– Если его не назовешь ты, его назовут другие. Они назовут его «Книга Ричарда».

– Понимаю. Ладно. Мне все равно как его назвать... ну хотя бы просто: свиток.

– А будешь ли ты хранить и оберегать Свиток? Или ты позволишь людям по-своему его переписывать, изменять то, что им непонятно, вычеркивать то, что им не по душе?

– Нет! Никаких изменений. Эти слова даны нам Светом. Никаких изменений!

– Ты уверен? А может строчку там, строчку здесь – ради блага людского? «Многие этого не поймут?», «это может оскорбить?», «здесь неясно изложено?»

– Никаких изменений!

Он вопросительно поднял брови.

– А кто ты таков, чтобы на этом настаивать?

– Я был здесь в тот момент, когда они были даны, – ответил я. – Я видел, как они появились, видел сам!

– Поэтому, – подытожил он, – ты стал Хранителем Свитка?

– Почему именно я? Им может стать любой, если поклянется ничего в нем не изменять.

– Но кто-нибудь все равно будет Хранителем?

– Кто-нибудь, наверное, будет.

– Вот тут и начитают появляться служители святого Свитка. Те, кто отдает свои жизни, чтобы защитить некий образ мыслей, становятся служителями этого образа. Однако появление новых мыслей, нового пути – это уже само по себе изменение, и оно приносит конец миру, сложившемуся до него.

– В этом Свитке нет угроз, – сказал я. – В нем любовь и свобода!

– Но любовь и свобода – это конец страху и рабству. – Конечно! – воскликнул я с досадой. К чему же он клонит? Почему Лесли молчит? Разве она несогласна с тем, что...

– А те, кто живет за счет страха и рабства, – продолжал Леклерк,

– обрадуются ли они, узнав об истинах, заключенных в этом Свитке?

– Наверно, нет, но мы не можем допустить, чтобы этот... свет... угас!

– И ты обещаешь оберегать этот свет? – спросил он.

– Конечно!

– А другие Свиткиане, твои друзья, они тоже будут его защищать?

– Да.

– А если наживающиеся на страхе и рабстве убедят правителя этой земли в том, что ты

опасен, если они нападут на твой дом с мечами в руках, как ты будешь защищать Свиток?

– Я убегу вместе с ним!

– А если за тобой будет погоня и тебя загонят в угол?

– Если потребуется, я буду сражаться, – ответил я. – Есть принципы дороже самой жизни.

Есть идеи, за которые стоит умереть.

– Вот так и начнутся Войны за Свиток, – старик вздохнул. – Доспехи, мечи, щиты и знамена, лошади, пожары и кровь на мостовой. И войны эти будут немалыми. Тысячи истовых верующих придут к тебе на подмогу. Десятки тысяч умных, ловких и смелых. Но принципы, изложенные в Свитке, опасны для всех правителей, чья власть зиждется на страхе и невежестве. Десятки тысяч выступят против тебя.

И тут я начал понимать то, что пытался сказать мне Леклерк.

– Чтобы вы могли отличить своих от чужих, – продолжал он, – тебе понадобится особый знак. Какой выберешь ты? Что начертаешь на своих знаменах?

Мое сердце застонало под тяжестью его слов, но я продолжал отстаивать свою правоту.

– Символ Света, – ответил я. – Знак Огня.

– И будет так, – продолжал он эту еще не написанную историю, – что знак Огня встретит знак Креста на поле брани во Франции, и Огонь победит. Победа будет славной, и первые города знака Креста будут сожжены дотла твоим святым огнем. Но Крест объединится с Полумесяцем, и их огромное войско вторгнется в твои пределы с юга, запада, востока и севера. Сотни тысяч воинов против твоих восьмидесяти тысяч.

Пожалуйста, хотел я сказать, остановись. Я знал, что случится дальше.

– И за каждого крестоносца, за каждого янычара, которого ты убьешь, защищая свой дар, имя твое возненавидят сотни. Их отцы и матери, жены и дети, все их друзья возненавидят свиткиан и проклятый Свиток, погубивший их возлюбленных, а свиткиане будут презирать всех христиан и проклятое распятие, всех мусульман и проклятый полумесяц за то, что они погубили их родных свиткиан.

– Нет! – вырвалось у меня. Каждое слово было истинной правдой.

– А во время священных войн появятся алтари и вознесутся к небу шпили соборов, увековечивающих величие Свитка. И те, кто искал духовного роста и нового знания, найдут вместо них тяготы новых предрассудков и ограничений: колокола и символы, правила и псалмы, церемонии, молитвы и одеяния, благовония и подношения золота. И тогда из сердца свиткианства уйдет любовь, и войдет в него золото. Золото, чтобы строить храмы еще краше прежних, золото, чтобы выковывать новые мечи и обратить неверующих и спасти их души.

– А когда умрешь ты, Первый Хранитель Свитка, потребуется золото, дабы вознести в века лик твой. Появятся величественные статуи, огромные фрески и картины, воспевающие эту нашу встречу своим бессмертным искусством. Представь роскошный гобелен: здесь Свет, вот Свиток, а там разверзлась твердыня неба и открылся путь в Рай. Вот коленопреклоненный Великий Ричард в сверкающих доспехах, вот прекрасный Ангел Мудрости со Священным Свитком в руках, а вот старый Леклерк у своего костерка в горах, свидетель явленному чуду.

«Нет! – подумал я. – Это невозможно».

Но это было неизбежно.

– Отдай в мир этот свиток, и появится новая религия и еще один клан священников, снова Мы и снова Они, опять брат пойдет на брата. Не пройдет и сотни лет, как ради слов, написанных здесь, погибнет миллион человек. А за тысячу лет – десятки миллионов. И все ради этой бумажки.

В его голосе не было ни горечи, ни сарказма, ни усталости от жизни. Жан Поль Леклерк был исполнен знанием, накопленным всей его жизнью, спокойным принятием того, что он в ней

встретил.

Лесли поежилась.

– Дать тебе куртку? – спросил я.

– Спасибо, дорогой, – сказала она. – мне не холодно.

– Не холодно, – эхом отозвался Леклерк. Он вытащил из костра горящую веточку и поднес ее к золотистым страницам. Это вас согреет.

– Нет! – Я отдернул свиток. – Сжечь истину?

– Истина не горит. Она ждет каждого, кто пожелает найти ее, ответил он. – сгореть может только этот свиток. Выбор за вами. Хотите ли вы, чтобы свиткианство стало новой религией в этом мире? – Он улыбнулся. – А вас объявят святыми...

Я глянул на Лесли, в ее глазах, как и в моих, мелькнул ужас.

Она взяла веточку из рук старца и подожгла края манускрипта. В моих руках распустился золотистый огненный цветок, я бросил его на землю. Свиток, догорая, вспыхнул и угас.

Старик облегченно вздохнул.

– Воистину благословенный вечер! – молвил он. – редко нам выпадает случай спасти мир от новой религии!

Затем он, улыбаясь, повернулся к моей жене и спросил с надеждой:

– А мы спасли его?

Она улыбнулась в ответ.

– Спасли. В нашей истории, Жан Поль Леклерк, нет ни слова о свиткианстве и войнах за Дар Света.

Они простились долгим взглядом. Затем старец слегка поклонился нам и ушел в темноту.

Охваченные пламенем страницы все еще полыхали у меня перед глазами, откровение, обращенное в пепел.

– Но те, кому необходимо знание, скрытое в этом свитке, обратился я к Лесли. – Как им... как нам узнать то, что там было написано?

– Он прав, – ответила она, глядя старцу вслед, – те, кто ищет свет и истину, могут найти их сами.

– А я в этом не уверен. Иногда нам нужен учитель. Она повернулась ко мне. – А ты попробуй, – предложила она. – Представь, что честно и нестово жаждешь узнать, кто ты, откуда ты пришел и почему ты вообще здесь. Представь, что ты готов без усталости искать ответ на эти вопросы.

Я кивнул и представил, что я в поисках знаний не покладая рук копаюсь в библиотеках, хожу на всякие лекции и семинары, веду дневник, записывая в него свои мечты и размышления, образы, пришедшие ко мне во время уединенных медитаций на горных вершинах, все то, что подсказали мне сны, совпадения и случайные слова незнакомцев – словом, представил все то, что мы делаем, когда нам дороже всего в нашей жизни становится познание нового.

– Ну, а теперь?

– А теперь, – сказала она, – можешь ли ты представить, что ты не найдешь всего этого сам?

«Ух ты, – подумал я. – как ей удастся так здорово открывать мне глаза!»

Я поклонился в ответ.

– Моя Леди Леклерк, Принцесса Знаний.

Она присела в медленном реверансе.

– Милорд Ричард, Принц Огня.

Мы безмолвно стояли рядом, и я обнял ее. Звезды ярко горели в чистом воздухе гор, но они были не над нами, а вокруг нас. Мы стали единым целым со звездами, с Жаном Полем Леклерком, со свитком и наполняющей его Любовью, с Пай, Тинк и Аткином. Живущими

одной-единственной жизнью со всем, что есть, было и будет. Одной-единственной.

Миля за милей проносились под нами, а в наших сердцах жила радость. «О, если бы не один шанс из триллиона, – подумал я. – Если бы каждый из живущих мог попасть сюда хоть раз в жизни!»

– Только тут понимаешь, – воскликнула Лесли, – как много в нашей жизни зависит от страха, подозрения и войны!

– А сколько миров под нами избавлены от этого и наполнены творчеством? – сказал я.

– А может быть, они все такие? Давай посмотрим!

На фиолетовом небе мягким пламенем горело солнце цвета меди, заливая все вокруг нежным золотистым светом. Оно казалось раза в два больше того, к которому мы привыкли, но не таким ярким, ближе, но не жарче. В воздухе висел тонкий аромат ванили.

Мы стояли на склоне холма, там, где лес встречался с лугом, а вокруг нас мерцала спиральная галактика крошечных серебристых цветков. Сверху нам было видно, что вдали слева расстился океан, он почти сливался с темным небом, и к нему стремилась алмазная река. А справа, до самого горизонта простирались край холмов и лугов. Покинутый рай.

С первой же секунды я был готов поклясться, что мы оказались на земле, не знавшей цивилизации. Может быть люди превратились в цветы?

– Похоже на... фантастический фильм, – сказала Лесли.

Чужое небо, прекрасная чужая земля.

– Ни души, – удивился я. – Что мы делаем в этом царстве девственной природы?

– Это невозможно. Наши двойники должны быть где-то поблизости. И тут я понял, что планета казалась дикой только на первый взгляд. В далеком пейзаже начал проступать призрачный след города с его проспектами и кварталами. Города, развеянного в прах безжалостным временем.

Меня редко подводит интуиция.

– Я знаю, что случилось. Мы в Лос-Анджелесе, но мы опоздали на тысячу лет! Ты видишь? Вон там была Санта-Моника, а там Беверли-Хиллз. Цивилизация исчезла!

– Может, ты и прав, – сказала она. – Но разве над Лос-Анджелесом когда-нибудь было такое небо? А две луны?

Да, конечно. Над горами одна за другой вставали две маленькие луны, желтая и красная.

И тут из леса появился зверь. Он напоминал леопарда, но доставал Лесли до плеча и весил не меньше тонны. Пройдя несколько шагов, он рухнул, подминая цветы. По его золотистой шерсти струилась кровь. Он попытался подняться, но силы совсем оставили его, зверь дернулся и затих.

Мы подбежали. Лесли присела подле огромной головы, протянула руку, чтобы погладить умирающее животное, хоть как-то облегчить ему последние страдания, но ее рука прошла сквозь мех.

– Нет! Не может быть, чтобы мы оказались здесь просто свидетелями смерти этого прекрасного создания. Нет, Ричи, нет!

– Дорогая моя, – сказал я притянув ее к себе, – этому есть причина. Всему есть причина. Только мы ее пока не знаем.

Голос, раздавшийся с опушки леса, был полон тепла и любви, как свет солнца, но силен, как раскат грома: «Тайин!» Мы обернулись.

На краю луга стояла женщина. Сначала мне показалось, что это была Пай, но ее кожа была светлее, а каштановые волосы длиннее, чем у нашей наставницы. И все же она была сестрой

нашего двойника из другого мира и моей жены – тот же изгиб скул, такой же решительный подбородок. Она была в платье цвета весенней зелени, а с плеч до самой травы спадала темно-изумрудная накидка.

Она подбежала к леопарду. Зверь зашевелился, приподнял голову и жалобно зарычал. Женщина безбоязненно присела подле него, ласково погладила его косматый загривок. «Давай, поднимайся...», – прошептала она. Но его лапы лишь бессильно царапали траву.

– Боюсь, что рана очень серьезная, мадам, – сказал я. – Вряд ли вы сможете ему помочь...

Она не слышала. Закрыв глаза, она нежно поглаживала огромное животное, сосредоточив на нем свою любовь. Затем она внезапно открыла глаза и сказала: «Тайин, мальш, вставай!» На шерсти больше не было крови, леопард взревел, вскочил и принялся тереться о свою спасительницу.

– Глупый котенок! – отчитывала его инопланетянка. – Больше так не делай. Тебе не время умирать! Будь осторожней на утесах, ты же не горная козочка!

Гигантская кошка встряхнулась, несколько бесшумных прыжков – и она исчезла в лесу.

Женщина посмотрела ей в след, затем повернулась к нам и спокойно сказала: «Очень любит высоту, не понимает, глупыш, что его не любой камень выдержит».

– Как вы это сделали? – спросила Лесли. – Мы думали, что...

– У животных раны быстро зарастают, – ответила она, жестом пригласив нас следовать за ней, – но иногда им нужно немножко любви. Тайин – мой старый друг.

– Должно быть, мы тоже старые друзья, – сказал я, – раз ты нас видишь. Кто ты?

Она внимательно посмотрела на нас. Какие умные глаза! В них нет ни позы, ни покровительства. И вдруг она улыбнулась, словно что-то поняла.

– Лесли и Ричард! – воскликнула она. – Я – Машара! Откуда она нас знает? Где мы встречались? Что за невидимая цивилизация здесь существует? Кто эта женщина?

– Я – это вы в моем измерении, – сказала она, словно прочитав мои мысли.

– А что это за измерение? – спросила Лесли. – Где мы? Когда?..

Машара засмеялась: «У меня к вам тоже есть вопросы. Заходите».

Мы вошли в ее небольшой домик, стоявший в лесу на пригорке. Стены были сложены из очень точно пригнанных каменных блоков, дверной проем и окна открыты всем ветрам. Внутри не было ни очага, ни постели, словно его обитательница никогда не ела и не спала, но он был наполнен теплотой. Я бы сказал, что Машара была доброй лесной феей.

Мы присели у стола, стоявшего подле огромного окна, из которого открывался вид на луг и на долину, уходящую к океану.

– Машара, – начала Лесли, – мне кажется, что давным-давно здесь разыгралась какая-то трагедия?

Я понял ее вопрос. Этот странный призрак города, буйство дикой природы. Может, Машара – последний представитель некогда процветавшей цивилизации?

– Вы помните! – воскликнула женщина из альтернативного мира. – Но разве можно назвать трагедией исчезновение цивилизации, разрушившей планету от стратосферы до морского дна? Что плохого в том, что планета наконец получила возможность залечить свои раны?

Впервые я почувствовал себя здесь неуютно, представив последние дни агонии.

– А разве хорошо, когда жизнь погибает? – спросил я в ответ.

– Не погибает, – ответила она после секундного молчания, – а изменяется. Здесь жили те частицы вашей души, которые построили именно это общество. И те, кто им наслаждался, а также и те, кто из последних сил пытался его изменить. Одни победили, другие проиграли, но для всех это было хорошим уроком.

– Однако планета вернулась к жизни, – сказала Лесли, – мы глаз не могли отвести от речки,

деревьев и цветов... она прекрасна!

– Планета вернулась, – повторила Машара и посмотрела в сторону, – а люди – нет.

В ее словах не было жалости, ни осуждения. Она просто констатировала то, что здесь произошло.

– Эволюция сделала цивилизацию хранителем этой планеты. Но спустя сотню тысяч лет хранитель пошел против эволюции, из помощника превратился в убийцу, из целителя – в паразита. Поэтому эволюция забрала обратно свой дар, уничтожила цивилизацию и спасла планету от разума. Теперь на ней правит любовь.

– Это... – начала Лесли, – и есть твоя работа, Машара? Спасение планет?

– Спасение этой планеты, – кивнула она. – Для нее я – воплощение терпения и защиты, сострадания и понимания. Ушедшая цивилизация во многом была очень талантлива, обладала высокой культурой, но в конце концов пала жертвой жадности и нежелания думать о будущем. Люди превратили леса в пустыни, истерзали душу планеты, извлекая из недр ее сокровища, отравили воздух, воду и землю ядохимикатами и радиоактивными отходами. Миллионы раз у них была возможность измениться, но они ей так и не воспользовались. А когда они одумались, было уже слишком поздно.

– Может ли целая цивилизация развиваться настолько слепо? – воскликнул я. – И то, что ты сейчас делаешь... Ты знаешь ответ!

Она повернулась ко мне, исполненная безмерной любви.

– Я не знаю ответа, Ричард, – сказала она. – Я и есть ответ.

В домике воцарилась тишина. Край солнца уже коснулся горизонта, но до темноты было еще далеко.

– А что случилось с остальными? – спросила Лесли.

– Когда им стало ясно, что изменить уже ничего нельзя, они построили нас – суперкомпьютеры. Наша задача – экологическая реконструкция планет. Люди отдали нам свои убежища, чтобы мы могли спасти в них хотя бы то, что еще можно было спасти. А сами вышли на отравленную поверхность земли, туда, где некогда шумели леса. – Она отвела глаза. – Их больше нет.

Мы вслушивались в эхо ее слов и представили себе одиночество, которое этой женщине пришлось перенести.

Она сказала это так легко.

– Машара, – переспросил я, – они построили тебя? Ты – компьютер? Красавица посмотрела на меня.

– Так можно сказать обо мне, – ответила она. – Но и о тебе тоже.

– А ты... – начал я. – Машара, ты живая?

– А тебе это кажется невозможным? – в ответ спросила она. – Разве важно из каких атомов состоит человеческое существо: из углерода, германия или галлия? Можно ли родиться человеком?

– Конечно! Самые ужасные... даже убийцы – люди, – ответил я. – Они могут быть нам не по душе, но они человеческие существа.

Машара покачала головой.

– Человеческое существо – это выражение жизни, приносящее свет и любовь в то измерение, к которому оно пожелает прикоснуться, в любой из форм, которую оно пожелает выбрать для себя. Человечность определяется не физическими законами, Ричард, это духовная цель. Это не нечто данное нам, мы добываем ее работой своей души.

Эта мысль, выкованная и закаленная в трагедии несчастной планеты, поразила меня. И как я ни пытался, я не мог посмотреть на Машару, как на бездушную машину. Она живая, это

определяется не химическим составом ее тела, а глубиной ее любви.

– Похоже, я просто привык считать человеческими существами только людей, – сказал я.

– Может быть, тебе стоит подумать об этом еще раз, посоветовала она.

И тут мне захотелось ее испытать.

– А сколько будет, если тринадцать тысяч двести девяносто семь разделить на две целых тридцать два миллиона триста семьдесят девять тысяч одну стомиллионную в квадрате?

– А тебе это очень надо знать?

Я кивнул.

Она вздохнула и стала называть цифры:

– Два, четыре, шесть, запятая, четыре, ноль, семь, четыре, ноль, два, пять, восемь, четыре, восемь, два, восемь, ноль, шесть... Сколько тебе надо десятичных знаков?

– Поразительно! – воскликнул я.

– А откуда ты знаешь, что я это все не придумала? – с улыбкой спросила она.

– Ну, мне показалось, что ты...

– А хочешь, устроим главную проверку, – спросила она.

– Ричард, – предостерегающе сказала Лесли.

Машара с благодарностью посмотрела на мою жену.

– Ты знаешь в чем заключается главная проверка, Ричард?

– В общем-то нет. Но всегда можно...

– Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос.

– С удовольствием.

Добрая фея леса смотрела мне прямо в глаза, не боясь того, что должно было вот-вот случиться.

– Хочешь, – начала она, – я умру прямо сейчас? Лесли судорожно вздохнула. Я вскочил «Нет!» Она упала легко, как лепесток, жизнь погасла в ее прекрасных зеленых глазах.

Лесли бросилась к ней и прижала к себе так же нежно, как эта добрая фея обнимала свою любимую гигантскую кошку.

– Машара, разве ты хочешь, – взмолилась она, – чтобы Тайин, леса и реки, – вся планета, дарованная твоей любви, умерла вместе с тобой? Или ты ценишь их жизнь так же высоко, как мы ценим твою?

Очень медленно Машара начала оживать, она пошевелилась и с трудом села.

– Я люблю вас, – сказала она, – не думайте... что мне все равно...

Лесли грустно улыбнулась.

– Да разве, увидев твою прекрасную планету, мы могли подумать, что тебе все равно? Как же мы можем любить нашу собственную землю, не любя тебя, дорогая хранительница?

– Вы должны уйти, – сказала Машара и шепотом попросила: – Не забывайте меня.

Я взял жену за руку и кивнул.

– Мы каждый год сажаем деревья и цветы, – сказала Лесли, – отныне мы будем это делать в память о тебе, Машара.

Маленький домик скрылся в водопаде брызг и солнечного света. Наш Ворчун снова поднимался в воздух.

– У нее прекрасная душа! – воскликнул я. – Надо же, у компьютера оказалось больше человечности, чем у всех людей, встреченных нами на жизненном пути!

Мы летели, покоренные глубиной любви Машары и ее прекрасной планетой. И нам уже казалось совершенно естественным иметь друзей в иных мирах.

Одни путешествия дарили нам радость, другие – печаль, но с каждой минутой мы узнавали все больше и больше нового, мы повидали такое, что и за сто жизней нам бы в голову не пришло. Нам хотелось путешествовать еще и еще.

Дно внизу порозовело, а узоры заблестели золотом. Без излишней прозорливости я тут же захотел пойти на посадку и вопросительно посмотрел на Лесли. Она кивнула.

– Готова к неожиданностям?

– Думаю, да...

Хотя водопад поднятых нами брызг утих, мы по-прежнему оставались в кабине нашего гидросамолета, который лениво скользил по поверхности воды. Исчез сам океан – картины судеб под нами больше не было.

Мы очутились на горном озере, сосны и ели степенно спускались к янтарному песку, солнечные зайчики плескались в кристально чистой воде. Пришли в себя мы не сразу.

– Лесли! – воскликнул я. – Да я же здесь учился летать на гидросамолете, это озеро Хейли! Мы вернулись в наш мир!

Она оглядывалась, надеясь, что я не прав.

– Ты уверен?

– Абсолютно! Тот же крутой лесистый склон на левом берегу, а вон там, вдали – роща карликовых деревьев, за ними начинается долина. Ура! – закричал я, но не ощутил почему-то радости, да и Лесли меня не поддержала. Я повернулся к ней.

Она была явно разочарована.

– Да, знаю, мне бы надо радоваться, но мы только-только начали, и так много могли еще узнать!

Она была права. Я тоже чувствовал себя обманутым, будто в середине пьесы неожиданно погасла рампа и актеры ушли со сцены.

Я повернул наш гидросамолет к берегу, и тут Лесли воскликнула: «Смотри!»

Чуть правее по курсу, уткнувшись в песок, стоял точно такой же «Мартин Сиберд».

– Ну, вот, – сказал я. – Теперь-то никаких сомнений. Здесь многие практикуются. Мы точно дома.

Казалось, все кругом замерло, никаких признаков жизни. Наконец мы причалили метрах в семидесяти от другого самолета. Я скинул туфли и прыгнул в воду, ее было всего по щиколотку, помог Лесли спуститься, а затем занялся швартовкой Ворчуна. Тем временем Лесли подошла к нашим соседям и позвала: «Эй, есть здесь кто-нибудь?»

– Что, никого нет? – спросил я, отправившись вслед за ней.

Она не ответила, молча разглядывая чужой самолет. Он как две капли воды был похож на нашего Ворчуна: на его белоснежном фюзеляже сверкала точно такая же радуга, а ведь эту эмблему мы придумали сами, та же обивка кабины, даже наши инициалы на приборной доске.

Очень странное совпадение.

Я дотронулся до капота. Мотор был еще теплым.

– Ага, – пробормотал я, и меня охватило какое-то смутное беспокойство. Взяв Лесли за руку, я пошел обратно.

На полпути она обернулась.

– Смотри! На песке только наши следы. Что же, они испарились прямо из кабины? Знаешь,

мне кажется, наше путешествие продолжается... Но тогда мы должны были бы встретить наших двойников.

– Если мы не на Земле, то это, скорее всего, испытание, – сказал я. – Раз мы никого не видим, то урок, видимо, заключается в том, что они приняли другую форму. Мы не можем разлучиться с нашими духовными братьями. Мы никогда не бываем в одиночестве, если только сами не захотим в это поверить.

Ярко-красная вспышка, и метрах в пяти перед нами возникает наш наставник в белых джинсах.

– За что же я вас так люблю? За то, что вы помните! – Она протянула к нам руки.

– Пай! – закричала Лесли и бросилась ее обнимать. – Я так рада тебя видеть! Где мы только не были! Мы должны тебе только рассказать и многое у тебя спросить.

– Здорово, что ты вернулась, – сказал я, – а почему ты так внезапно исчезла?

Она улыбнулась, подошла к самой воде и уселась на песок. А затем поманила нас к себе.

– Потому, что я знала наверняка, какие приключения вас ожидают, – начала она. – А когда вы кого-нибудь любите и знаете, что он готов учиться и расти душой, вы должны дать ему свободу. Разве вы могли бы всему этому научиться и все это испытать, если бы я была с вами, связывая вашу свободу выбора?

Улыбаясь она повернулась ко мне.

– Это действительно альтернативный мир, а не земное озеро Хейли. И второй самолет здесь ради шутки. Просто вы напомнили мне, что я очень люблю летать, вот я и скопировала вашего Ворчуна, чтобы немножко попрактиковаться.

Затем она тронула Лесли.

– Ты очень наблюдательна, заметила, что я не оставила следов на песке. Для того, чтобы вы помнили, что дорогу надо выбирать всегда самому, следуя своему чувству высшей справедливости. В картине судеб скрыты все возможные пути развития мира, здесь абсолютная свобода выбора. Представьте себе книгу. Каждое событие – это слово, предложение, часть бесконечного романа; и буквы в нем не меняются. Меняется сознание, выбирая, что ему читать, а что – нет. Если вы открываете главу о ядерной войне, просто ли придете в отчаяние, или выучите скрытый в ней урок? Погибните ли, читая ее, или станете мудрее? Но даже после того, как вы прочтете ее до конца и пойдете дальше, она останется и будет делиться своей сердечной болью с каждым, кто захочет ее прочитать. Однако нет нужды читать ее дважды, если вы поняли все с первого раза. Люди в мирах, избежавших ядерной катастрофы, в свое время прочли ее, а потом смогли спасти свой мир от разрушения.

– И они – это тоже мы? – спросил я.

– Да! – ее глаза блеснули. – Ты и Лесли, Машара и Жан-Поль, Аткин, Тинк и Пай, мы все – одно единое целое!

Волны тихонько набегали на песок, а в деревьях пел ветер.

– Есть причина нашей нынешней встречи, – продолжала она, – как есть причина и тому, что вы нашли молодого Ричарда. Вас волнует проблема войны и мира? Вы приземляетесь на те страницы, где вы можете в ней разобраться. Вы боитесь, что вас что-то может разлучить, или, что вы можете погибнуть и потерять друг друга? Вы приземляетесь в тех жизнях, которые могут вам многое рассказать о разлуке и смерти; и то, чему вы там научитесь, изменит ваш собственный мир, ведь все зависит от вашего собственного выбора.

– Ты говоришь, что мы создаем нашу реальность? – спросил я. – Я знаю это выражение, но я не согласен...

Она весело рассмеялась, а потом показала рукой на восток.

– Сейчас раннее утро, – ее голос стал тихим и загадочным. – Темно. Мы стоим на этом

берегу. Вот-вот начнется рассвет. Холодно.

Мы действительно оказались с ней в темноте и холоде.

– Перед нами мольберты, в руках у нас кисти и краски. – Словно под гипнозом ее черных глаз, я почувствовал, что в левой руке держу палитру, а в правой сжимаю шероховатые кисти.

– Первые лучи солнца. Небо разгорается, оно уже залито золотом, и наконец – светило разгоняет ночной холод.

Мы зачаровано смотрели на это буйство красок.

– А теперь рисуйте! – приказала Пай. – Сумейте поймать этот рассвет и, пропустив через себя, выразить его своим искусством!

Я, конечно, не художник, но все же попытался несколькими мазками передать все это великолепие. У Лесли на мольберте, наверняка, все выглядело намного изящней.

– Закончили? – спросила Пай. – Ну и что у вас получилось?

– Два совершенно разных рассвета, – ответила Лесли.

– Не два рассвета, – поправила Пай. – Художник создает не рассвет, а...

– Ну, конечно! – воскликнула Лесли. – Художник создает только картину!

Пай кивнула.

– Рассвет – это реальность, а картина – это то, что из этой реальности создаем мы? – переспросил я.

– Именно! – подтвердила Пай. – Если бы каждый из нас создавал свою собственную реальность, представляете какой бы царил хаос? Реальность была бы ограничена только тем, что мог бы придумать каждый из нас!

Я кивнул и попытался представить. Как же создать рассвет, если я, к примеру, его никогда не видел? Что делать с черным ночным небом, когда начинается новый день? Не забыл бы я вообще про смену дня и ночи?

А Пай продолжала.

– Реальность не имеет ничего общего с видимым миром, открытым нашему ограниченному зрению. Реальность – это воплощенная любовь, чистая совершенная любовь, стоящая вне пространства и времени.

– Вы когда-нибудь чувствовали себя настолько слитыми с миром, со всей вселенной, что вас переполняла любовь? – она смотрела на нас. – Это и есть реальность. Это и есть истина. А что из этого творим мы, зависит только от нас, как изображение рассвета зависит от художника. В вашем мире человечество отошло от истинной любви. Оно живет ненавистью, борьбой за мировое господство, желанием рискнуть существованием самой планеты для достижения сиюминутных целей. Если и дальше так пойдет, истинного рассвета никто уже не увидит. Он, конечно, никуда не исчезнет, но люди Земли о нем ничего не узнают, а потом даже рассказы о его красоте сотрутся из их памяти.

«Бедная Машара, – подумал я. – Неужели твое прошлое станет нашим будущим?»

– Но как мы сможем принести в наш мир любовь? – спросила Лесли. – Он полон угроз и страха... в нем так много убийц.

Пай на секунду умолкла, а затем нарисовала на песке небольшой квадрат.

– Представим себе, что мы живем в ужасном месте – Городе Страх, сказала она, прикоснувшись к квадратику. – И чем дольше мы там живем, тем меньше он нам нравится. Там царят насилие и хаос, нам не нравятся его жители, то, как они делают свой жизненный выбор. Город Страх для нас вовсе не родной дом!

От квадрата она провела длинную волнистую линию, которая петляла по песку, но в конце упиралась в кружок.

– Поэтому однажды мы отправляемся в дорогу в поисках Города Мира.

– Она вела пальцем вдоль всей нарисованной извилистой линии, следуя всем изгибам и поворотам. – Мы поворачивали налево и направо, мчались по автострадам и продирались напрямик, идя по маршруту, проложенному нашими лучшими надеждами. И вот, наконец, мы попали в это тихое прекрасное место.

Она показала на кружок, символ Мира, и начала втыкать вокруг него сосновые веточки.

– В Городе Мира мы нашли свой дом, а чуть позже узнали: его жители ценят именно то, что и привело нас сюда. Каждый шел своим путем в тот город, где жители избрали для себя любовь, радость и доброту, обращенные на своих соседей, на город и на всю планету. Нам не было нужды уговаривать кого-либо из Города Страхы отправиться в путь вместе с нами, и не надо никого убеждать, кроме нас самих. Город Мира уже существует, любой, мечтающий о нем, может попасть туда, когда пожелает.

– Люди Мира узнали, что ненависть – это любовь, не знающая истины. Зачем лгать, заставляя нас сражаться и убивать друг друга, если истина в том, что мы все – одна единая жизнь? Жители Города Страхы вольны выбрать разрушение и смерть, а мы – свободны в нашем выборе мира.

– Со временем и другие жители Города Страхы могут устать от насилия и своим путем прийти в наш город, позабыв о жажде разрушать. Если они все сделают этот выбор, Город Страхы станет городом-призраком.

Она начертила на песке восьмерку, Города Страхы и Мира соединила гладкая дорога.

– Настанет день, когда жители Города Мира вспомнят о былом и из любопытства отправятся поглядеть на заброшенный Город Страхы. Тогда выяснится, что после ухода последнего человека, предпочитавшего не строить, а разрушать, истинная реальность стала опять видна: на месте зловонной клоаки журчат родники, вырубки и карьеры шумят молодыми лесами, в чистом небе поют птицы. Пай посадила несколько веточек в обновленном городе. – И люди Мира уберут покосившийся въездной знак: «Город Страхы», а вместо него повесят новый: «Добро пожаловать в Город Любви». Некоторые вернутся, чтобы убрать мусор, перестроить все на основе доброты и нежности, поклявшись, что впредь город будет верен своему новому названию. Видите, мои дорогие, все зависит от того, какой мы делаем выбор!

В этом необычном месте ее слова звучали очень убедительно.

– Что можете сделать вы? – спросила себя Пай. – В большинстве миров перемены не происходят внезапно, по мановению волшебной палочки. Чтобы изменить свой мир, надо вначале перебросить хотя бы узенький мостик через пропасть, разделяющую страны, например в вашем мире – это выступления в Америке первых советских танцоров и певцов. Так, мало-помалу вы должны постоянно делать выбор в пользу жизни.

– А почему не изменить все разом? – удивился я. – Разве невозможно добиться быстрых перемен?

– Конечно, возможно, Ричард, – ответила она. – Перемены происходят каждую секунду, ты их просто не всегда замечаешь. Твой мир с первыми надеждами на мирное будущее столь же реален, как и твой параллельный мир, который погиб в 1962 году, в первый же день войны. Каждый из нас выбирает судьбу нашего мира. Но вначале должны произойти перемены в наших умах.

– Тогда выходит, что я сказал молодому лейтенанту правду! – воскликнул я. – В одном из параллельных миров Советы не пошли на попятную. И я начал ядерную войну.

– Конечно. В картине мира в том году обрываются тысячи дорог, тысячи Ричардов из параллельных миров выбрали смерть. А ты нет.

– Но постой, – сказал я. – Ведь в тех альтернативных мирах погибли и невинные люди, просто попутчики, которые никакого выбора не делали?

– Нет, Ричард. Они сами выбрали свою смерть. Одни – тем, что просто устранились от выбора – им было все равно; вторые думали, что лучшая защита это нападение; а третьи выбрали смерть.

Она замолчала и тронула кружок с крошечными деревцами.

– Если мы выбираем мир, то мы живем в мире.

– А можно как-нибудь поговорить с людьми из альтернативных миров, чтобы мы могли узнать, чему научились они? – спросила Лесли.

– Именно этим вы сейчас и заняты, – улыбнулась Пай. – Если хотите, то можно поговорить и с любой другой частицей вашей души. Способ не слишком загадочный, но довольно надежный. Представь, Ричард, своего духовного двойника, с которым ты хотел бы поговорить, представь, что задаешь вопрос и слышишь ответ. Попробуй.

Почему-то я вдруг занервничал.

– Я? Прямо сейчас?

– А чего ждать?

– Глаза закрыть?

– Если хочешь.

– Может, надо сделать что-то такое особенное?

– Ну, если тебе так будет легче, – сказала она. – Сделай глубокий вдох, представь, что открывается дверь, а за ней комната, залитая разноцветными огнями, и в ней сидит твой собеседник. Или, не надо огня, представь, что ты слышишь голос; иногда звуки легче представить, чем образ. А можешь обойтись даже без звуков – просто ощути, что его сознание слилось с твоим. Если не хочешь использовать интуицию, представь, что первый встречный на дороге передаст тебе нужный ответ, и задаст свой вопрос. А можешь использовать свое заветное волшебное слово. Сделай, как тебе больше нравится, напряги воображение.

Я выбрал образ и заветное слово. Закрыв глаза, представил, что как только его произнесу, увижу перед собой своего двойника, который скажет мне то, что мне надо сейчас узнать.

Я расслабился, перед мысленным взором проплывали облака, окрашенные в мягкие тона. «Как только скажу свое слово, сразу его увижу, – думал я. – Спокойнее, спешить некуда. Облака плывут».

– Единственная, – сказал я.

Словно открылся затвор фотоаппарата, и я увидел: на скошенном поле, у крыла старенького биплана стоял человек. Солнце сияло из-за его головы, и лица я не разобрал, но голос прозвучал громко, будто он сидел рядом с нами на берегу горного озера.

– Очень скоро тебе понадобится все, чему ты успел научиться, чтобы суметь отличить внешнее от истинного, – сказал он. – Помни, чтобы перелететь из одного мира в другой на вашем внепространственном гидросамолете, тебе нужна сила Лесли, а ей нужны твои крылья. Вы можете летать только вместе.

Затвор закрылся, и я открыл глаза.

– Получилось? – спросила Лесли.

– Да! – воскликнул я. – Но я не совсем понимаю, как этим воспользоваться. – Я пересказал им то, что увидел и услышал.

– Поймешь, когда понадобится, – сказала Пай. – Если теория приходит раньше практики, ее смысл доходит не сразу.

Лесли улыбнулась.

– Из того, что мы здесь узнали, не все можно использовать на практике.

Пай, задумавшись, водила пальцем по восьмерке.

– На практике вообще ничего не используешь, пока не догадаешься, как, – сказала она. –

Здесь можно встретить ваших двойников, которые приняли бы вас за небожителей только потому, что вы летаете на своем Ворчуне; но есть и другие, которых вы сами посчитали бы настоящими волшебниками.

– Например, тебя, – сказал я.

– Как и все волшебники, – сказала она, – Я просто научилась использовать на практике то, что вам сейчас кажется чудом. Я – лишь точка сознания, выражающая себя в этой картине мира, так же, как и вы. Как и вы, я никогда не рождалась и никогда не смогу умереть. Запомните, что даже простая попытка отделить меня от вас подразумевает между нами отличие, которого на самом деле нет.

– Подобно тому, как вы представляете единое целое с тем, кем вы были секунду или неделю назад, – продолжала Пай, – вы – единое целое с тем, кем вы станете через мгновение или год, единое целое с тем, кем вы были в прошлой жизни, кем являетесь сейчас в альтернативном мире и кем будете через сотню жизней в, как вы его называете, будущем.

Она встала, отряхивая ладони от песка.

– Мне пора, – сказала Пай. – Не забывайте о разнице между художниками и рассветом. Что бы ни случилось, каким бы ни представлялся вам окружающий мир, истинно реальна только любовь.

Она обняла Лесли на прощание.

– Ах, Пай! – воскликнула Лесли. – Как нам не хочется, чтобы ты уходила!

– Уходила? Я могу исчезнуть из виду, мои крошки, но я никогда не покину вас! В конце концов, так сколько же жизней в нашей вселенной?

– Одна-единственная, дорогая Пай, – ответил я, обнимая ее перед расставанием.

Она засмеялась.

– За что же я вас так люблю? За то, что вы помните...

И исчезла.

Долго еще мы сидели с Лесли на берегу, любясь ее песочным городом с крошечным парком, припоминая ее рассказ.

Наконец мы, обнявшись, отправились к нашему Ворчуну. Я помог Лесли забраться в кабину, оттолкнул его от берега и завел мотор.

– Интересно, что же будет дальше, – сказал я.

– Как странно, – повернулась ко мне Лесли. – Когда мы здесь приземлились, решив, что это Земля, и путешествия закончились, я ужасно расстроилась. А теперь чувствую... Встреча с Пай подвела какой-то итог. Мы сейчас разом так много узнали! Вот если бы мы могли вернуться домой и все обдумать, разобраться, что к чему...

– И я об этом думаю, – сказал я. – Ладно. Домой так домой. Осталось только узнать как.

Я потянул ручку газа. Для этого не надо было напрягать воображение. Ворчун взревел и рванулся вперед. Но почему же я не могу делать такую ерундовую вещь, не видя перед собой этой самой ручки?

Как только Ворчун оторвался от воды, горное озеро исчезло, и мы снова оказались над картиной, где уместились все возможные миры.

Картина судеб была как всегда загадочна, ни надписей, ни дорожных указателей.

– С чего, по-твоему, надо начать? – спросил я.

– Может, как и прежде, прислушаемся к внутреннему голосу? – предложила Лесли.

Ощущение было такое, что мы решаем задачку на сообразительность – все очень просто, если знать ответ, но пока до него додумаешься, можно свихнуться.

Лесли дотронулась до моей руки.

– Ричард, мы ведь не сразу встретили Тинк и Машару, при наших первых посадках мы узнавали себя легко, помнишь, Кармел наша первая встреча, и молодой Ричард. Но чем дальше мы летели вперед...

– Точно! Тем больше мы менялись. Конечно, надо повернуть назад!

Она кивнула.

– Давай попробуем. А где здесь поворот назад?

Мы начали набирать высоту, чтобы сверху увидеть хоть что-нибудь знакомое. Наконец вдаль я заметил розовое пятнышко с блестками золота там, где мы расстались с Пай. Лесли обрадовалась:

– Смотри, а дальше, чуть левее, зеленое пятно – там Машара.

Я забрал круто влево и пошел по этим ориентирам. Лететь пришлось долго.

– Когда исчез Лос-Анджелес, дно было темно-синим с золотыми и серебрянными узорами, помнишь? – сказала Лесли, указывая вперед. – Да вот же они! – Она облегченно вздохнула. – Видишь, как все просто!

«Поживем – увидим», – подумал я.

Теперь под нами во все стороны до самого горизонта разбегались золотые и серебрянные дорожки. Где-то здесь таилась крохотная дверь в наш собственный мир, но где?

– Что же мы, – упавшим голос пробормотала Лесли, – так и будем до скончания века мыкаться по чужим жизням?

– Нет, дорогая. Наш мир уже совсем рядом, – соврал я. — Это точно! Просто надо набраться терпения и найти к нему ключ.

Она посмотрела на меня.

– Похоже, ты в этом неплохо разбираешься, тогда выбери для нас место.

– Ладно, послушаем, что подскажет интуиция. – Закрыв глаза, я тут же понял, что нашел. – Приготовься, идем на посадку.

Он валялся на кровати в гостиничном номере. Больше там никого не было. Мой двойник, как две капли воды похожий на меня, лежал, уставившись в окно. Судя по нашему сходству, до дома нам оставалось всего ничего.

Мы стояли на балконе, который выходил на площадку для гольфа, обрамленную елями. Низкая облачность, по крыше барабанит мелкий дождь. Кругом все серо и мрачно.

– Похоже, у него сильная депрессия, – прошептала Лесли.

Я кивнул.

– Странно, что он бездельничает. А где Лесли?

Она озабоченно покачала головой. – Мне как-то неловко появляться в этой ситуации. Поговори лучше с ним наедине, мне кажется, ты ему нужен.

Я тихонько сжал ее руку и пошел в комнату.

Он вперился глазами в серую пелену и едва кивнул при моем появлении. Рядом с ним лежал включенный портативный компьютер, но его экран был пуст.

– Привет, Ричард, – сказал я. – Не удивляйся. Я...

– Да знаю, – он вздохнул. – Ты – проекция моего растревоженного сознания. И опять уставился на дождь.

В нем было что-то неуловимое от дерева, сваленного ударом молнии.

– Что случилось? – спросил я.

Никакого ответа.

– С чего это у тебя такая депрессия?

– Не вышло, – наконец сказал он. – Я не знаю, что случилось. – Потом, помолчав, добавил. – Она ушла.

– Лесли? Ушла?

Распростертое тело еле заметно кивнуло.

– Она сказала, что терпеть меня больше не может и уйдет сама, если я не уберусь из дома. Вот так она и ушла от меня, хотя в гостиницу переселился я.

«Этого не может быть, – подумал я. – Что же заставило Лесли из этого мира сказать, что она его уже не в силах терпеть? Мы так много пережили вместе, моя Лесли и я, годы борьбы после моего банкротства, много раз мы были вымотаны до предела бесконечными заботами, теряли терпение, ссорились. Но мы никогда не расставались, ни разу нам и в голову не пришло серьезно сказать: уходи, или... Что же с ними произошло?»

– Она не хочет со мной разговаривать. – Даже голос его казался безжизненным. – Как только я пытаюсь все это с ней обсудить, она бросает трубку.

– Что ты натворил? – спросил я. – Ты что, начал пить? Принимать наркотики? Ты...

– Не будь идиотом, – раздраженно сказал он. – Я – это я! – Он закрыл глаза. – Уходи. Оставь меня в покое.

– Прости. Я болтаю ерунду. Просто не могу представить, что могло вас разлучить. Должно быть, что-то очень серьезное!

– Нет! – воскликнул он. – Мелочи, эти проклятые мелочи! У нас постоянно целая гора работы – уплата налогов, ведение расчетов, съемки, книги, предложения сыплются со всего мира и приходится на них отвечать. Все это надо делать и делать правильно, только так, как считает она, вот и работает без усталости, как сумасшедшая. Много лет назад она пообещала, что покончит с хаосом, царившим в моих деловых бумагах до нашей с ней встречи. И она не шутила.

Он был рад выговориться, хоть и считал меня всего лишь проекцией собственного сознания.

– Да, мне всегда было наплевать на всю эту пошлую суету, вот она и разбирается со всем сама – печатает сразу на трех компьютерах, сидя по уши во всяких там бланках, требованиях и заявках. Понимаешь, она собирается сдержать слово, даже ценой своей жизни.

Его голос дрожал от обиды, и последняя фраза звучала скорее как «ценой моей жизни».

– У нее нет времени для меня, вообще ни для чего, кроме работы. А помочь ей я не могу – она страшно боится, что я опять все напутая.

Тогда я советую ей не принимать все так близко к сердцу – ведь нас окружает мир иллюзий, – и отправляюсь к своему самолету. Но всякий раз она готова испепелить меня взглядом.

Для него гостиничная кровать превратилась в кушетку психоаналитика.

– От этой гонки она сильно изменилась. Куда только подевались ее красота и очарование. Я спрашиваю, что случилось, а она в ответ орет, что, если бы я хоть раз пальцем пошевелил, чтобы ей помочь, я, дескать, узнал бы!

Казалось, он бредил.

И все же однажды я чуть было не оказался на его месте. Так легко потеряться в водовороте мелочей, откладывая на потом самое важное в жизни, ведь даже в голову не может прийти, что

такой сильной любви может что-то там угрожать; а потом внезапно понимаешь, что вся жизнь теперь состоит из мелочей, и ты стал чужим человеку, которого любишь больше всего на свете.

– Со мной это уже было, – сказал я, слегка покривив душой. – Можно я задам тебе несколько вопросов?

– Давай, спрашивай. Больнее уже не будет. Вместе нам больше не быть. И это не моя вина. Мелочи, конечно, заедают, но мы просто рождены друг для друга! Ты можешь себе представить? Я, к примеру, улетел как-то всего на несколько дней и забыл сделать то, что она просила, ну там, сменить перегоревшую лампочку, так она заявляет, что я взваливаю на нее все заботы. Ты меня понимаешь?

Конечно, мне надо ей помогать, но не все же время? А если я и не буду помогать, разве можно из-за этого разваливать семью? Нельзя. Вот так все потихоньку собиралось одно к одному, а потом разом и рухнуло. Я говорил ей, попробуй отключиться, посмотри на то хорошее, что у нас было, но не-е-ет! Раньше между нами была любовь и уважение, а теперь – одни проблемы, работа и злость. Она просто не желает видеть, что для нас самое главное! Она...

– Слушай, скажи мне одну вещь, – перебил я его.

Он временно прервал поток жалоб и удивленно посмотрел на меня – видимо, забыл, что я стоял рядом.

– Ради чего ей всем этим заниматься? – спросил я. – Чем ты так хорош, что она обязана тебя любить?

Он нахмурился, открыл было рот, но так ничего и не сказал, будто лишился дара речи. Затем принялся рассматривать дождь, словно видел его в первый раз.

– Ты что-то спросил? – сказал он немного погодя.

– Есть ли в тебе что-нибудь, – терпеливо повторил я, – что твоя жена просто не может не любить?

Он снова задумался, потом пожал плечами.

– Не знаю.

– А ты ее любишь? – спросил я.

Он тихонько покачал головой.

– Уже нет. Но разве можно любить, когда...

– Ты хорошо ее понимаешь и готов поддержать в трудную минуту?

– Честно? Вроде нет.

– Ты всегда щадишь ее чувства? Заботишься и жалеешь?

– Не могу сказать. – Он помрачнел. – Нет.

Почему он так долго думает перед тем, как ответить? Не хватает мужества во всем признаться, или отчаяние только сейчас вынуждает его увидеть очевидное?

– Ты прекрасный собеседник – знаешь много интересного, забавного и полезного, любишь слушать других?

Тут он приподнялся и сел.

– Иногда. Впрочем крайне редко. – А после долгой паузы добавил. – Нет.

– Ты романтичен? Внимателен? Любишь устраивать ей приятные сюрпризы?

– Нет.

– Вкусно готовишь! Наводишь в доме порядок?

– Нет.

– Может ли она за тобой укрыться от проблем, как за каменной стеной?

– Вряд ли.

– У тебя прирожденная деловая хватка?

– Нет.

– А ты ей друг?

Он надолго замолчал и в конце концов выдавил.

– Нет.

– Как, по-твоему, если бы ты похвастался всеми этими достоинствами на самом первом свидании, захотела бы она увидеть тебя во второй раз?

– Нет.

– Так почему же она не ушла еще раньше?

– Потому, что она – моя жена? – в его глазах застыла боль.

– Наверное. – Мы оба замолчали, нам было о чем подумать.

– А ты смог бы измениться, – спросил я, – и превратить все свои «нет» в «да»?

Совершенно разбитый собственными ответами, он взглянул на меня.

– Конечно. Раньше я был ее лучшим другом, я... – Он затих, пытаясь вспомнить, каким он был раньше.

– А если ты вдруг станешь прежним Ричардом, ты что-то потеряешь?

– Нет.

– Что-нибудь найдешь?

– Весь мир! – воскликнул он, словно эта мысль впервые пришла ему в голову. – Я думаю, она смогла бы меня снова полюбить, и тогда мы оба будем счастливы. Ведь раньше мы наслаждались каждым мгновением, проведенным вместе. И были полны романтики. Мы бы смогли открыть новые горизонты...это так интересно. Если бы у нас был шанс, мы бы снова стали такими, как прежде.

Он умолк, а потом признался в самом сокровенном.

– Я и вправду мог бы ей больше помогать. Просто я так привык, что она все делает сама, что мне этого уже не хотелось. Но если бы я стал помогать, делать то, что могу, я снова начал бы себя уважать.

Он встал, посмотрелся в зеркало и, тряхнув головой, принялся расхаживать по комнате.

Перемена была разительной. Интересно, он действительно понял все только сейчас?

– Почему я сам до этого не додумался? – пробормотал он, но, взглянув на меня, добавил. – Впрочем, похоже, что я сам.

– На то, чтобы потерять себя и скатиться, ушли годы, – попытался я его предостеречь, – сколько же лет тебе понадобится, чтобы распрямиться и стать прежним?

Вопрос его страшно удивил.

– Нисколько. Ждать нечего, я хочу попробовать прямо сейчас! Я уже изменился!

– Так быстро?

– Перемена происходит в тот самый миг, когда ты понимаешь в чем загвоздка, – его лицо светилось радостью. – Если тебе дадут гремучую змею, чем быстрее ты ее бросишь, тем лучше, правда? Я был абсолютно уверен, что во всем виновата она, и не мог найти выхода из этого тупика, думая, что изменяться надо ей. Но теперь... Раз это моя вина, я могу все переменить! Если я стану прежним, а через месяц мы все еще не вернем свое счастье, вот тогда и подумаем, надо ли ей меняться!

Он снова забежал по комнате.

– Несколько вопросов и все! Почему же я ждал, пока ты придешь, откуда бы ты ни пришел? Почему я их не задал себе сам? Давным-давно!

– Да, почему?

– Не знаю. Я был так обижен на нее за всю эту кучу дел... будто она их сама придумывала, а не пыталась с ними разобраться; мне становилось себя очень жаль, когда я вспоминал ее той, которую я так сильно любил.

Он сел на кровать, схватившись за голову.

– Знаешь, о чем я подумывал, когда ты здесь появился? Решался на последний шаг...

Он подошел к окну и вдруг радостно улыбнулся, будто там выглянуло солнце.

– Надо меняться! Если я не смогу изменить себя, то я не достоин нашей любви. Но теперь-то я понял, как сделать ее счастливой. А когда она счастлива... – он мечтательно зажмурился. – Как это здорово, если бы ты только знал!

– И она сразу поверит в твое перевоплощение? – усомнился я. – Не каждый день ты уходишь, хлопнув дверью, а возвращаешься, сгорая от любви.

Он погрузился.

– Ты прав. С чего вдруг ей верить? На это могут уйти дни, месяцы, а может, она вообще не захочет меня видеть.

– Как же ты тогда собираешься сказать ей о том, что произошло? – спросил я.

– Не знаю, – тихо ответил он. – Придется что-то придумать. Может, она почувствует это в моем голосе.

Он подошел к телефону и набрал номер, с головой погрузившись в будущее, которое он чуть было не перечеркнул, и совершенно позабыв о том, что я все еще был рядом.

– Привет, дорогая, – сказал он. – Ты, конечно, можешь бросить трубку, но я хотел тебе сказать, что кое-что понял.

Он вслушивался в ответ, а в мыслях был за сотни миль отсюда, там, где кончался этот телефонный провод.

– Нет. Я позвонил сказать тебе, что ты права, – заявил он. – Виноват во всем я. Я был эгоистичен и несправедлив с тобой. Очень хочу, чтобы ты меня простила. Меняться надо мне, и я уже изменился!

– Милая моя, я так тебя люблю! – сказал он, выслушав ее ответ. – И еще больше сейчас, когда понял, что тебе пришлось из-за меня испытать. Честное слово, ты об этом не пожалеешь!

Он опять прислушался, и на его губах мелькнула улыбка.

– Спасибо. В таком случае, может у тебя найдется немножко времени... для одного свидания со своим мужем перед тем, как ты покинешь его навсегда?

Пока он говорил по телефону, я выскользнул на балкон к моей Лесли и нежно ее поцеловал. Мы обнялись. Как здорово, что мы вместе, что мы

– это мы!

– Не разойдутся ли они снова? – спросил я. – Может ли человек разом так сильно перемениться?

– Я надеюсь, – сказала Лесли. – Я верю в него, он не искал оправданий, а хотел стать другим!

– Мне всегда казалось, что люди, рожденные друг для друга, любят, не ставя своим возлюбленным никаких условий, и ничто на свете не может их разлучить.

– Не ставя условий? – переспросила Лесли. – А если я без всякой причины вдруг стану жестокой и нетерпимой, если начну измываться над тобой, ты будешь меня все так же страстно любить? Если я начну с тобой драться, исчезать на недели, если буду спать со всеми подряд, напиваться и проиграть в карты все наши деньги, ты все так же будешь передо мной благоговеть?

– Если так, то моя любовь может довольно быстро испариться, – ответил я. «Чем больше нам угрожают, – пришло мне на ум, – тем меньше мы любим». – Интересно получается: любить не ставя условий, все равно, что отвернуться от того, кто с тобой рядом, и не смотреть, что он делает! Выходит, такая слепая любовь – это безразличие.

Она кивнула.

– Я тоже так думаю.

– В таком случае, пожалуйста, поставь мне побольше условий, – попросил я, – и люби только тогда, когда я лучше всех на свете, а если я забываю о тебе или становлюсь занудой, то тут же начинай ко мне остывать.

Она рассмеялась.

– Ладно. Ты – тоже.

Мы на прощание заглянули в комнату. Другой Ричард все еще болтал по телефону.

– Почему бы в этот раз тебе не попробовать самому поднять Ворчуна в воздух? – спросила Лесли. – До того, как мы вернемся домой, ты должен почувствовать, что это у тебя получается.

Я все себе ясно представил – вот ручка газа нашего невидимого гидросамолета, вот я берусь за нее и тяну...

Ничего. Окружающий мир остался совершенно неподвижен.

– Ну, Ричард, – воскликнула она, – это очень просто. Сосредоточься!

Но не успел я последовать ее совету, как все вокруг привычно задрожало она взялась за дело сама.

– Постой, дай мне еще раз попробовать, – попросил я.

– Конечно, любимый, —сказала Лесли. – Давай еще разок. Запомни, главное надо хорошенько сосредоточиться...

В эту секунду мы поднялись в воздух, и под нами зашумело море. Тут Лесли сбросила газ, мотор захлебнулся, снова взревел, но было уже слишком поздно.

Наш Ворчун на мгновение замер в воздухе и камнем рухнул вниз.

Я успел подумать, что посадка выйдет не из легких, а затем мы врезались в воду, и в кабине словно взорвалась бомба.

Ремень безопасности лопнул, как паутинка, – чудовищная сила выбросила меня наружу через лобовое стекло. Когда я, задыхаясь, добрался до поверхности, наш гидросамолет погрузился уже метров на пятнадцать.

Нет! Закричало все во мне. Нет! НЕТ! Я нырнул в гирлянду пузырей пара, рожденную раскаленным двигателем, туда, где смутно белел наш красавец Ворчун. Глубина сдавила уши, стонал умирающий самолет. Я оторвал искаженную дверцу кабины, отстегнул безвольное тело Лесли, ее золотистые волосы и белоснежная блузка колыхались, как в замедленном кино, и начал подниматься с ней к поверхности, туманно мерцавшей высоко над нами. Она мертва. Нет, нет, нет. Я хочу умереть, утонуть, остаться здесь навсегда!

В душе боролись отчаяние и самообман: а вдруг она еще жива? Вдруг ее еще можно спасти? Она мертва.

Я должен попытаться ее спасти!

Один шанс из тысячи. Я снова наверху, но сил уже не осталось.

– Дорогая, все в порядке, – задыхаясь, бормочу я. – Сейчас все будет хорошо...

Мимо, едва не зацепив, на полной скорости проносится катер и накрывает нас пенистой волной. С него, обвязавшись веревкой, прыгает спасатель...

Это был вовсе не сон. Гранит леденит мне щеку. Здесь я был уже не призраком и не безучастным зрителем, а единственным актером в этой драме.

На этом склоне множество цветов, посаженных ее рукой. Я лежу на ее могиле, и слезы льются из моих глаз на надгробье. А на нем начертано только одно слово: Лесли.

Дует осенний ветер, я его не чувствую. Я снова дома в своем родном времени, но мне на это наплевать. Вот уже три месяца, как я остался совершенно один в этом мире, не в силах выйти из оцепенения. Казалось, на меня обрушился огромный театральный занавес, придавил своей тяжестью, и я задыхаюсь от горечи невосполнимой утраты. Мне раньше и в голову не приходило, сколько надо мужества, чтобы, схоронив свою жену, остаться жить на этом свете. Моего мужества на это не хватило. И существую я только потому, что обещал это Лесли.

Сколько раз мы строили планы: мы умрем вместе, что бы ни случилось, мы умрем вместе. «Но если все же», – сказала она, – я умру первой, ты должен жить! Обещай мне!"

– Хорошо, если ты тоже пообещаешь...

– Нет! Если умрешь ты, мне незачем жить. Я хочу быть с тобой.

– Лесли, это не честно! Я дам тебе такое обещание. Может быть, это случится, чтобы мы смогли силой своей любви победить смерть и доказать, что на этом жизнь наша не кончается. Но ты должна мне обещать то же самое.

– Нет, Ричард, если ты умрешь...

Мы долго спорили, не желая даже мысленно смириться с возможностью разлуки, но в конце концов, обессилив, дали друг другу клятву, что самоубийства не будет.

Теперь я об этом сильно пожалел. В душе я чувствовал, что умру первым. И знал, что, подобно вольному оленю, ради нее смогу перемахнуть через ограду, отделяющую тот мир от этого. Но из этого мира в тот...

Я лежал на траве у застывшего надгробья. Какой же я дурак, что дал ей эту клятву!

Будь по-твоему, Лесли. Но теперь я оставил всякую осторожность, мне больше нечего было терять. По ночам я гонял на ее стареньком «Торрансе» по узким улочкам городка, словно боролся за кубок мира в авторалли.

Я швырялся деньгами. За сто тысяч купил себе спортивный самолет «Хонда Старфлеш» – в его почти невесомом фюзеляже пряталось семьсот лошадиных сил. Сто тысяч – чтобы по субботам участвовать в воздушных аттракционах на радость местным любителям авиаспорта.

Да, я сказал, что до самоубийства дело не дойдет, но я не обещал своей жене, что буду вести себя в воздухе паинькой.

Я с трудом поднялся на ноги и поплелся в дом. Багровел закат, раньше бывало Лесли с восхищением таскала меня по своему цветнику, и мы любовались ее сокровищами в лучах

заходящего солнца. Сейчас все вокруг было серо.

Пай сказала, что мы сможем найти обратную дорогу в наше время. Почему же она не сказала, что для этого самолету придется рухнуть в море, и один из нас погибнет?

Дни напролет я изучал все новые и новые книги о смерти. Сколько людей пытались пробиться сквозь эту стену! И удавалось это только тем, кто был по ту сторону. Однако, если Лесли и была где-то поблизости от меня, все видела и слышала, знать о себе она не давала. С полок книги не падали, двери сами собой не открывались.

Спал я на веранде под открытым небом. Я не мог уснуть в нашей постели без нее.

Мой сон – прежде служивший мне школой новых знаний и ареной удивительных приключений в иных мирах – теперь наполняли смутные тени и обрывки из немых кинофильмов. Вот она промелькнула, бросаюсь за ней, и просыпаюсь в безысходном одиночестве. Но почему! Почему она не дает о себе знать!

Снова и снова я прокручивал в своей голове наш удивительный полет над картиной судеб, это было очень мучительно, но я хотел отыскать намек, ключ к разгадке. Я должен его найти. Или я умру, и никакая клятва меня не остановит.

Ночь выдалась очень ясная, звезды безмолвно горели так же ярко, как и тогда при встрече с Леклерком...

Знайте, что реальность мира любви незримо всегда подле вас, и в любой момент вам даны силы преобразить ваш собственный мир тем, чему вы научились.

Не бойтесь и не приходите в смятение, увидев призраков тьмы и пустые покровы смерти.

Ваш собственный мир – такой же мираж, как и все остальные. Ваше единение в любви – вот истинная реальность, а миражи не могут изменить реальность. Не забывайте об этом. Как бы это ни выглядело со стороны...

Куда бы вы ни шли, вы всегда вместе с тем, кого вы больше всего любите, в начальной точке бесконечной перспективы.

Вы не создаете своей реальности. Вы создаете свой собственный видимый мир.

Тебе нужна ее сила. Ей нужны твои крылья. Вы можете летать только вместе.

Ричи, это очень просто. Сосредоточься!

В ярости я грохнул кулаком по столу, во мне начал просыпаться дух моих прежних неистовых воплощений.

Мне наплевать на то, что мы разбились, стучало в моем мозгу, я не верю в то, что наш самолет упал в океан, никакой аварии вообще не было! Мне наплевать на то, что я видел, слышал и чувствовал, мне наплевать на все доказательства, кроме самой жизни! Никто не умирал никто не оставался один я всегда был с ней я и сейчас с ней я всегда буду с ней и она со мной и ничто ничто на свете не сможет встать у нас на пути!

Я услышал голос Лесли, отголосок ее крика: «Ричи! Это правда!» Авария случилась только в моем воображении, и я отказываюсь поверить в эту ложь. Я не признаю это место я не признаю это время нет такого самолета «Хонда Старфлэш», «Хонда» вообще никогда не строила самолетов, я не признаю, что у нее больше психических сил, я прочел об этом тысячи книг, а она ни одной, пропади все пропадом, и, если на то пошло, я так дерну эту несчастную ручку газа, что вообще вырву ее с корнем, никто не разбивался, это всего лишь очередная посадка в картине мира, будь она неладна, а с меня хватит печали и слез на могиле, не верю в ее смерть, я покажу ей, как надо взлетать, нет в этом ничего невозможного...

Я всхлипнул от ярости, во мне заклокотала чудовищная сила, расшатывая основы мироздания. Мир содрогнулся, дом зашатался, как при землетрясении. Задрожали звезды. Я тут же вытянул правую руку, словно рядом была эта самая ручка газа.

Дом исчез. Морские волны пронеслись и пропали из-под крыльев, Ворчун подпрыгнул и

начал набирать высоту.

– Лесли! Ты вернулась! Мы вместе!

Она плакала и смеялась.

– Ричи, дорогой мой! – воскликнула она. – У тебя получилось, я люблю тебя, У ТЕБЯ ПОЛУЧИЛОСЬ!

Пока другой Ричард говорил по телефону, мой муж выскользнул ко мне на балкон.

Он поцеловал меня. Мы обнялись. Как здорово, что мы вместе, что мы – это мы!

– Почему бы в этот раз тебе не попробовать самому поднять Ворчуна в воздух? – спросила я. – До того, как мы вернемся домой, ты должен почувствовать, что это у тебя получается.

Он потянул за ручку газа, но ничего не случилось. Почему же для него это так сложно, подумала я. Слишком много проблем занимают его мысли одновременно.

– Ну, Ричард, – воскликнула я, – это очень просто. Сосредоточься! Я решила показать ему, как это надо делать, и взялась за ручку сама. Все тут же пришло в движение. Это напоминало смену декорации после конца съемок сцена с грохотом разворачивается и то, что было горами и лесом, превращается в сморщенное полотно, а скалы – в дрожащие куски пенопласта.

– Постой, дай мне еще раз попробовать, – попросил он.

– Конечно, любимый, – сказала я. – Давай еще разок. Запомни, главное надо хорошенько сосредоточиться...

Я и не думала, что мы вот-вот должны были взлететь. Но в тот момент, когда я бросила газ, Ворчун уже успел оторваться от поверхности воды. Двигатель пару раз чихнул, словно его не успели прогреть. Ворчун присел на хвост, а потом рухнул носом вниз. Ричард схватился за штурвал, но было уже поздно.

Все происходило, как в замедленном кино. Мы медленно врезались в воду; раздался скрежет, словно я на полной громкости провела иглой проигрывателя поперек пластинки; медленно кабина заполнилась водой. Медленно опустился занавес, и свет померк.

Когда я снова обрела способность видеть, мир вокруг смутно зеленел, и стало тихо-тихо. Ричард, вцепившись в наш утонувший самолет, раздирал его на части, яростно пытаясь что-то из него достать.

– Брось, Ричард, – сказала я. – Нам надо обсудить, что же делать дальше. Там в самолете нам уже ничего не нужно...

Но на него иногда находит, и, сейчас, похоже, он первым делом решил вытащить из кабины свою старую летную куртку или что-то в этом роде. Он был очень расстроен.

– Ладно, дорогой, – сказала я. – Не торопись. Я подожду.

Он еще покопался, а потом нашел то, что искал. Как странно! Из кабины он извлек вовсе не куртку, а меня, волосы мои колыхались, как пучок водорослей.

Я видела, как он вынырнул и приподнял мою голову над водой.

– Дорогая, все в порядке, – задыхаясь, пробормотал он. – Сейчас все будет хорошо...

На него чуть не налетел катер, с которого спрыгнул спасатель, обвязанный веревкой. На лице Ричарда была такая паника, что я просто не могла на это смотреть.

Я отвернулась и увидела восхитительный свет, любовь, разливающуюся прямо передо мной. Нет, не тоннель, о котором так много говорил Ричард, но чувство было именно такое потому, что по сравнению с этим светом все казалось погруженным во тьму и идти можно было только в одну сторону – навстречу этой чудесной любви.

Свет сказал мне: не беспокойся, я ощутила абсолютную безмятежность и поверила ему всем своим существом.

Навстречу мне шли двое. Подросток показался мне очень знакомым... Он остановился и стал наблюдать за мной издали.

Второй подошел ближе. Невысокий старик, я узнала его походку.

– Привет, Лесли, – наконец вымолвил он с хрипотцой, выдававшей в нем заядлого

курильщика.

– Хай? Хай Фельман, ты ли это? – я подбежала к нему, мы обнялись и закружились на месте, плача от радости.

Не было у меня друга ближе в те далекие дни, когда почти все от меня отвернулось. Я звонила ему каждое утро.

Наконец мы разжали объятия и принялись разглядывать друг друга. Наши физиономии чуть не трескались от радостных улыбок.

– Дорогой Хай! О, Боже, это просто чудо! Не верю своим глазам! Я так рада тебя видеть!

Когда он умер три года тому назад... во мне еще жива боль той утраты. А как я злилась...

Я отступила на шаг и нахмурилась: «Хай, я на тебя страшно зла!» Он улыбнулся, и в его глазах, как всегда, сверкнули лукавые искорки. Он был для меня мудрым старшим братом, а я для него – упрямой сестренкой.

– Все еще?

– Конечно! Как ты мог так поступить! Я тебя так любила! Верила! Ты же обещал, что не будешь курить. И своими сигаретами погубил два сердца. О моем сердце ты подумал? Умереть из-за такой глупости?

Он невинно глянул на меня сквозь свои мохнатые брови.

– Хочешь, я извинюсь? Больше не буду, – он усмехнулся, честное слово...

– Так я и поверила, – заявила я, но не смогла удержаться от смеха.

– Давно ли все это было? – спросил он.

– Словно вчера.

Он сжал мою руку, и мы повернулись к свету.

– Пойдем, там тебя ждет человек, с которым ты рассталась еще раньше, чем со мной.

Я остановилась, внезапно почувствовав, что не могу думать ни о чем, кроме Ричарда.

– Хай, – запротестовала я, – я не могу, я должна вернуться. Мы с Ричардом совершали такое необыкновенное путешествие, мы многое увидели и узнали... Я хочу тебе столько рассказать! Но тут случилось что-то ужасное. Когда я его покинула, он был так расстроен, просто в отчаянии. – Теперь я тоже начала впадать в отчаяние. – Я должна вернуться!

– Лесли, – сказал он, крепко сжав мою руку, – постой. Я должен тебе кое-что сообщить.

– Нет. Пожалуйста, не надо. Ты собираешься сказать, что я умерла, правильно?

С грустной улыбкой он кивнул.

– Но, Хай, я не могу его бросить, так вот исчезнуть и все! Мы не можем жить друг без друга. Его улыбка пропала, и он смотрел на меня с пониманием и нежностью.

– Мы говорили о смерти, на что она похожа, начала я ему рассказывать, – и мы никогда ее не боялись, нас страшило расставание. Мы хотели умереть вместе. Так бы все и было, если бы не эта нелепая... Ты можешь себе представить? Я даже не знаю, почему мы попали в аварию!

– Это не нелепость, – сказал он. – Для аварии была причина.

– Я не знаю этой причины, а если бы и знала, все равно, я не могу оставить его одного.

– А тебе не приходило в голову, что, может быть, ему надо кое-чему научиться. И если ты будешь рядом, у него ничего не выйдет. Это для него очень важно.

Я покачала головой.

– Нет таких важных дел. А если бы были, мы бы с ним расстались еще раньше.

– Вот вы сейчас и расстались, – сказал он.

– Нет! Я не согласна!

В этот момент я заметила, что к нам направился молодой парень, стоявший в отдалении. Он шел, опустив голову и засунув руки в карманы. Долговязый, худой и настолько застенчивый, что это было видно по его походке. Я не могла отвести от него глаз, но при этом у меня до боли

сжималось сердце.

Он поднял голову, и его плутоватые черные глаза улыбнулись мне впервые за эти годы.

Ронни!

В детстве с моим братом мы были неразлучны, и теперь мы неистово обнялись, исполненные радостью нашей новой встречи.

Мне было двадцать, а ему семнадцать, когда он погиб в аварии, но я ни на минуту не переставала о нем скорбеть. И вот мы снова вместе, и наше счастье столь же бесконечно, сколь и прежняя боль утраты.

– Я говорил, что тебя поджидает чудесная встреча, – сказал Хай. Он положил мне руку на одно плечо, Ронни – на другое, я обняла их обоих, и мы зашагали навстречу свету любви.

Перед нами вдруг раскинулась великолепная долина. Поля и леса золотились осенним нарядом, серебристо мерцала речка. А у горизонта высились горы с заснеженными вершинами. Безмолвно струились водопады. У меня от восхищения перехватило дыхание. Словно я впервые увидела...

– Йосемитский заповедник? – удивилась я.

– Мы знали, что тебе понравится, – кивнул Хай, – думали, тебе захочется здесь немного посидеть и поболтать.

Мы вышли на залитую солнцем лужайку и уселись на мягкий ковер из листьев.

Нам было о чем поговорить. Я наконец смогла спросить Ронни о том, что мучило меня все эти годы. Почему же он ушел из жизни так рано, ведь я уже успела узнать, что в нашей жизни нет случайностей. Он начал с улыбкой, но вскоре стал очень серьезен. Действительно, его смерть не была просто несчастным случаем. Он был к ней готов, и в глубине души ждал ее, чтобы начать все заново. Ему с детства казалось, что так было бы лучше для всех, и только потом, покинув наш мир, он понял, что заблуждался. Вслушиваясь в его слова, я чувствовала, что моя боль уходит. А тут он еще признался, что никогда не терял меня из виду, и очень радовался моей встрече с Ричардом.

Ричард!

Меня снова охватила паника. Как же я могла так увлечься разговором? Что со мной творится? Ричард говорил мне, что после смерти люди ненадолго приходят в смятение, но и я хороша!

– Он беспокоится обо мне, думает, что мы расстались навек. Я вас очень люблю, но не могу остаться, понимаете? Я должна вернуться...

– Лесли, – сказал Хай. – Ричард тебя не увидит.

– Но почему? – Может, Хай знает нечто ужасное, о чем я не догадывалась? Может я стала тенью привидения? Может я... – Так ты... ты хочешь сказать, что я действительно умерла? Что это не клиническая смерть, и я уже не смогу вернуться? У меня нет выбора?

Он кивнул.

– Но Ронни говорил, что он всегда был подле меня. Я должна вернуться к Ричарду хотя бы во сне. Ведь мы много об этом говорили, а сейчас он думает, что я погибла в аварии, и на этом моя жизнь закончилась. Он перестанет верить в то, во что он верил!

Мой старый друг все еще меня не понимал. Что же здесь неясного?

– Хай, мы были вместе для того, чтобы своей жизнью выразить любовь. А получилось так, словно мы писали книгу и бросили ее на полуслове, едва перевалив за половину. Мы же не можем ее бросить и сказать, все, конец. – Я не желала с этим примириться.

– Представь, что читатель захочет узнать, как мы сумели использовать в жизни то, чему мы научились, как мы преодолели все испытания, и вдруг, в самый разгар событий книга оборвется на словах редактора: «Их гидросамолет попал в аварию, она погибла, поэтому путешествие так и

не завершилось».

Он улыбнулся.

– А ты хотела, чтобы все закончилось так: после аварии Лесли вернулась из загробного мира, и они жили долго и счастливо?

– Пожалуй, это украсило бы любую книку. – Мы рассмеялись.

И тут мне пришло в голову, что все это может оказаться вовсе не шуткой. Может, наша авария – это одно из испытаний в путешествии по картине мира?

– Послушай, Хай, – начала я. – У Ричарда было много интересных идей. Поначалу они казались просто сумасшедшими, но потом выяснилось, что он прав. Ты знаешь о Космическом законе – представь себе то, что ты хочешь, и оно войдет в твою жизнь. Неужели из-за нашей аварии Космический закон изменился? И, если я представляю себе что-то очень и очень важное, оно все же не сбудется?

Наконец он сдался и сказал с улыбкой: «Космические законы не меняются».

Я сжала его руку.

– А мне было показалось, что ты хочешь меня остановить.

– Никто на земле не в силах остановить Лесли Парриш. С чего ты взяла, что на это кто-нибудь здесь отважится?

Пришла пора прощаться. Я обняла их и расцеловала.

– Я люблю вас, – сказала я, кусая губы, чтобы не разреветься. – И всегда буду любить. Мы ведь еще встретимся, правда?

– Ты и сама знаешь, – сказал Ронни. – Еще увидимся и поболтаем.

Я раньше не верила, что все это может случиться. Я по натуре скептик. Конечно, я надеялась, что Ричард прав, и мы живем не один только раз. Теперь я знала это наверняка. Я знала и то, что придет день, и мы с Ричардом вместе войдем в этот свет любви. Но не сейчас.

В возвращении к жизни не было ничего невозможного, это было довольно просто. Как только я пробилась сквозь стену нашего предубеждения, что нельзя сделать невозможное, я увидела картину мира вблизи, словно тот ковер, о котором говорила Пай. Перебирая его по ниточке, продвигаясь шаг за шагом, я, как фотограф, подбирала нужный мне фокус.

И я нашла Ричарда в одном из альтернативных миров, который он по ошибке принял за настоящий. Он лежал на моей могиле, окруженный непробиваемой стеной горя, и не чувствовал, что я рядом.

Я билась в эту стену: «Ричард...»

Не слышит.

– Ричард, Я здесь!

Он рыдал на моей могиле. Но ведь мы договорились – никаких надгробий!

– Любимый, я ведь день и ночь рядом с тобой. Нас разделяет только твоя вера в нашу разлуку.

Цветы на могиле говорили ему, что смерть призрачна, а жизнь непобедима, но он их тоже не слышал.

Наконец он поднялся и побрел в дом. Стена горя заслонила от него закат, кричавший ему, что ночь – это время, когда мир готовится к грядущему рассвету. Он вынес свой спальный мешок на веранду.

Сколько раз надо крикнуть, чтобы человек услышал правду? Разве это был мой муж, мой дорогой Ричард, веривший в то, что в мире все не случайно и падение листа и рождение галактики? Да он ли это лежал под осенними звездами и стонал от горя?

– Ричард! – воскликнула я. – Ты абсолютно прав! Наша авария не случайна! Перспектива! Ты уже знаешь все, что надо для нашей встречи! Помнишь? Сосредоточься!

И вдруг он грохнул кулаком по столу, придя в ярость от того, что он сам засадил себя в темницу.

– Не сдавайся, – закричала я. – Наши путешествия не закончены. У нас... так много впереди. Ты можешь все изменить прямо сейчас! Ричард, любимый, СЕЙЧАС!

Окружающая его стена пошатнулась и начала трескаться. Я закрыла глаза и изо всех сил сосредоточилась. Я представила, что мы сидим вдвоем в кабине Ворчуна, летящего над бескрайней картиной судеб, я почувствовала, что мы вместе. Нет ни печали, ни горя разлуки.

И он тоже это почувствовал и потянулся к ручке газа. Закрыв глаза, он напруг все свои силы, чтобы сдвинуть этот рычаг.

Словно освободившись от дурмана, он вздрогнул и уперся в свои железные предубеждения. Они дрогнули.

Мое сердце заколотилось. Я бросилась на помощь.

– Любимый! Я жива, я не умирала! Мы вместе!

Стена рухнула. Мотор Ворчуна чихнул и завелся. Стрелки приборов зашевелились.

Ричард избавлялся от того, что он принимал за реальность. Он отказался верить в то, что мы разбились. Несмотря ни на что, он отказался верить в мою смерть.

– Ричард! – закричала я. – Это правда! Поверь! Мы можем лететь дальше!

Он рванул ручку газа, мотор взревел, поднялась водяная пыль.

Как я счастлива была его видеть! Он открыл глаза в ту секунду, когда Ворчун поднялся в воздух. Наконец мы оказались в одном мире, и я услышала его голос:

– Лесли! Ты вернулась! Мы вместе!

– Риччи, дорогой мой! – воскликнула я. – У тебя получилось, я люблю тебя, У ТЕБЯ ПОЛУЧИЛОСЬ!

Пока Ворчун набирал высоту, мы сидели крепко обнявшись.

– Лесли! Я не сплю! Ты жива!

Она не погибла, не лежала в сырой земле, она сидела рядом, сияя, словно восходящее солнце. И привиделась мне не эта встреча, я те долгие месяцы, когда я скорбел о ней в альтернативном мире, решив, что она умерла.

– Без тебя было... – задохнулся я. – Жизнь замерла. Все потеряло значение! – Я дотронулся до ее лица. – Где ты была?

Она засмеялась сквозь слезы.

– Я была с тобой. Когда мы начали тонуть, я видела, как ты нырнул. Я думала, ты ищешь свою куртку, и просто не поверила своим глазам, когда ты достал мое тело из самолета. Я была возле тебя, но ты видел не меня, а мое тело!

Она была рядом!

Мы вместе так много узнали, почему же я внезапно все забыл и принял видимый мир за истинный? Ведь увидев ее мертвой, я сразу сказал НЕТ! Одно слово в момент истины. Почему же я не прислушался к самому себе? Все могло бы быть иначе, если бы я сразу отказался верить в эту ложь!

– Я мог бы тебе помочь, – сказал я, – если бы не позабыл об истине...

Она покачала головой.

Только чудо могло заставить тебя не поверить в то, что ты тогда увидел. А потом тебя окружала стена печали, и я не могла до тебя достучаться. Если бы я поторопилась, я, наверное, успела бы...

– Слабак! Такое испытание, а я позорно провалился!

– Вовсе нет! – она снова обняла меня. – Ты был великолепен! Несмотря ни на что, ты сумел отказаться от видимого мира, завести Ворчуна и вытащить нас оттуда, ты хоть это понял? У тебя получилось!

В мире-где-она-умерла я так быстро начал забывать ее голос, ее лицо, что сейчас я словно заново встретил свою любовь.

– Я хочу тебе столько рассказать! – воскликнула она. – За этот час я...

– Какой час, любимая? Прошли месяцы! Ровно сто дней!

– Нет, Ричи, часа полтора от силы! – она удивленно посмотрела на меня. – Я ушла прямо в разгаре... – Она осеклась и ее глаза блеснули.

– Я видела Ронни! Он совсем не изменился. И Хай, тоже! Он первым ко мне подошел и сказал, что все в порядке, и мы с тобой в любом случае скоро встретимся. А сразу после аварии, появился тот самый чудесный свет, о котором говорится в твоих книгах о загробном мире...

Бывало раньше, когда я уезжал за покупками в город, у нас уходило не меньше часа, чтобы рассказать друг другу все, что за это время произошло. Сколько же времени понадобится сейчас, чтобы поделиться всем тем, что случилось за наше последнее путешествие длиною в три месяца для меня, и в полтора часа для нее?

– Это чудесное место, Ричи! – продолжала она. – Если бы не ты, я бы ни за что не вернулась! – Она на мгновение задумалась. – Скажи, а ты бы сильно расстроился, если бы знал, что со мной все в порядке, что я счастлива, а рядом люди, которых я люблю?

– Если бы я знал, что ты счастлива, то нет, – ответил я. – Мне так кажется. Я бы представил себе, что... ты переехала, а я присоединюсь к тебе позже. Переехала в наш новый город, знакомишься с его улицами и людьми, пока я доделываю дела здесь, так мне было бы проще. Но

это не очень похоже на переезд! Мы не можем друг другу ни писать, ни звонить, не можем дать о себе знать!

– Если бы не твоя печаль, – возразила она, – мы могли бы общаться. Во время медитации, или во сне, но ты захлебнулся в своем горе...

– Если это случится вновь, я уж не забуду. Я буду помнить, что ты рядом, и ты тоже помни об этом!

Она кивнула.

– Там можно многому научиться, а сколько там загадок! Ронни умер тридцать лет назад. Почему же он все еще ждал меня? Ведь у человека много жизней, почему же он не отправился в новое... воплощение?

– Он отправился, да и мы тоже, – сказал я. – Посмотри вниз. – Под нами расстилалась бескрайняя картина мира. – И все эти жизни, загробные миры и новые воплощения существуют одновременно. Разве ты в это еще не поверила? Разве по-твоему это не так?

– Я уже не знаю, во что я теперь верю, – улыбнулась она.

А я подумал, что там, внизу, должны быть наши двойники, которые так и не смогли встретиться, оставшись в плену иллюзий. Я не стал говорить об этом Лесли, чтобы не омрачать нашей радости.

Мы принялись рассказывать друг другу все, что случилось, пытаясь из кусочков сложить единую картину. И кое-что из этого получилось.

– Все казалось абсолютно реальным! Я не был призраком, не проходил сквозь стены, люди меня видели, узнавали, и наш дом был точно таким, каким мы его оставили. – Я постарался припомнить это место. – Но не совсем. – Я вспомнил то, что не заметил за эти месяцы разлуки. – Это был наш дом, но он чем-то отличался от нашего, а я об этом не задумывался. И машина – там был не наш старый «Крайслер», а «Торранс». Правда, странно?

– Если бы мы не набрались ума, путешествуя по разным мирам, ты так бы и остался там жить, – сказала она. – Если бы мы выросли в том альтернативном мире и не погуляли по десятку других миров, мы так бы и думали, что мир, в котором ездят на каких-то «Торранс» – единственно возможный...Если бы я умерла там, смог бы ты из него вырваться? Смог бы ты не поверить в смерть?

– Что за вопрос! – возмутился я. – Не знаю.

– Ричи, несмотря на все то, что мы узнали, мы едва выбрались!

Она смотрела на раскинувшийся под нами лабиринт.

– Неужели мы оказались в ловушке? Неужели отсюда труднее выбраться, чем победить смерть?

Мы снова были вместе. Самое ужасное из испытаний осталось позади. У нас в голове вертелась одна мысль: до того, как случится что-нибудь еще, мы должны найти дорогу домой.

– Помнишь, что сказала Пай? – спросил я. – Что мы создали эту картину силой своего воображения, но путь домой – это путь духа. Она сказала, что дорогу домой нам укажет надежда.

Задумавшись об этом, я нахмурился. Как же надежда укажет нам путь? Мы надеялись попасть домой, почему же мы все еще здесь?

– Она не говорила о надежде, дорогой, – произнесла Лесли после долгого молчания. – Она говорила о любви. Пай сказала: Дорогу нам укажет любовь!

Конечно же, Пай была права – дорога легка, когда тебя ведет за собой любовь.

У тех двоих, что отправились в Лос-Анджелес на конференцию, была своя маленькая планета. Возможно, это был лишь мираж, но это был их мираж, то самое полотно, на котором они рисовали свой рассвет. Они любили свое творение. Вот мы и сосредоточились на этой любви.

– Готов? – спросила Лесли.

Мы взялись за штурвалы. Закрыв глаза, мы представили себе тех двоих, летящих навстречу новым открытиям. Мы любим друг друга, мы любим наш дом, мы летим домой, готовые поделиться тем, что увидели и узнали. Штурвалы сами собой начали двигаться в наших руках, словно Ворчун был живым и знал, куда ему надо лететь.

Вскоре наша летающая лодка снизила скорость и вошла в вираж. Мы открыли глаза.

Под нами среди хитросплетений узора сверкала золотая восьмерка. Точно такую же нарисовала Пай, проложив на песке дорогу из Города Стараха в Город Мира.

– Пай говорила, что можно помочь своим двойникам намеком... – начал я.

– ...и очень вовремя! – воскликнула Лесли. – Какая она умница! Как только мы перестали думать о путеводной любви, волшебство исчезло, и мы остались один на один с нашими проблемами. Ворчун снова превратился в послушного слугу, ожидающего новых приказаний. Я повернул штурвал направо, чтобы закончить облет места посадки, сбросил газ и начал снижение. Ветерок поднимал легкую рябь, и казалось, что золотой знак приплясывает от нетерпения.

– Приготовиться к посадке.

Все было очень просто. Снизив скорость до предела, мы, едва касаясь волн, приближались к отметке. Метрах в десяти от нее я выключил млтлр, и Ворчун плюхнулся в воду.

В тот же миг океан исчез, и мы очутились в другом Ворчуне, скользящем над крышами Лос-Анджелеса. Но сидели мы сзади, на месте пассажиров. Мы снова превратились в призраков! А впереди, за штурвалами сидели те, которыми мы были прежде. Он выставлял номер в посадочном радиоответчике. Моя Лесли зажала рот, чтоб не вскрикнуть.

– 4645, – сказал пилот.

– Вот, – сказала его жена. – Ну что бы ты без меня делал?

Нас они не видели.

Рванув ручку нашего невидимого Ворчуна, я почувствовал прикосновение Лесли. Она тоже была испугана. Затаив дыхание, мы видели, как очень медленно Лос-Анджелес затуманился и растаял. Мы вернулись в наш самолет и подняли его в воздух.

В изумлении мы переглянулись и наконец смогли перевести дух.

– Что же это, Ричи! А я-то думала, что хоть здесь мы не будем призраками!

Мы развернулись, золотой знак был на том же месте.

– Вот знак, но домой мы попасть не можем!

Я обернулся, в надежде найти Пай на месте пассажира. Ведь здесь не требовалось нашей интуиции, достаточно было ее простого совета. Ни Пай, ни подсказки. Золотой знак, словно кодовый замок, закрывал дверь в наш мир, но мы не знали нужного нам кода.

– Все напрасно! – воскликнула Лесли. – Где бы мы ни садились, везде мы – призраки!

– Кроме озера Хейли...

– Там была Пай, – возразила Лесли. – Это не в счет.

– ...и аварии.

– Аварии? – переспросила она. – Но в том мире призраком была я! Даже ты меня не видел. – Она замолчала, пытаясь разобраться, что к чему.

Я начал разворот влево, чтобы не потерять знак из виду. Казалось, что он начал потихоньку таять, когда в наши мысли заползла тревога. Всматриваясь в него, я чуть подался вперед.

Он действительно исчезал. Пай, помоги нам! Мы можем найти код слишком поздно. Я начал запоминать рисунок узора в этом месте. Мы не можем его потерять!

– ...но там я не была наблюдателем, – продолжала Лесли. – Я думала, что погибла в аварии. Я думала, что я стала настоящим привидением, и так оно и было. Ричи, ты прав, все дело в аварии!

– Мы все здесь – призраки, дорогая, – пробормотал я, заучивая узор. – Это все – лишь мир видимый... – Две полоски влево, шесть вправо, две – почти прямо. Знак продолжал таять, и я не хотел говорить об этом Лесли.

– Мир, в который мы тогда грохнулись, был для тебя вполне реальным, – возразила она. – Ты считал, что уцелел в той аварии и вовсе не был призраком! Это один из параллельных миров, но ты похоронил мое тело, жил в нашем доме, ездил на машине и разговаривал с людьми...

Тут до меня наконец дошло то, о чем она говорила. Я изумленно уставился на нее.

– Чтобы попасть домой, ты хочешь снова разбить самолет? Пай сказала, что все будет очень просто. Она ничего не говорила о том, что придется разбить Ворчуна...

– Нет, не говорила. Но в той аварии что-то кроется... почему же ты не был призраком? Что же в том мире было такого особенного?

– Мы очутились в океане! – воскликнул я. – Мы перестали безучастно наблюдать за событиями с поверхности, а окунулись в них с головой, и стали частью того мира.

Я посмотрел вниз. Золото блеснуло и исчезло.

– Хочешь попробовать?

– Что попробовать? Спрыгнуть в океан с летящего самолета?

Я не сводил глаз с того места, где раньше сверкал путеводный знак.

– Да! Мы начнем снижаться, сбавим скорость, а прямо над самой водой – спрыгнем вниз.

– О, Боже, Ричард, я боюсь! Нет, я не могу!

– Мы снизим скорость до предела, – сказал я. – Чтобы понастоящему вернуться в наш мир, мы должны в него окунуться. Но уж лучше спрыгнуть, чем разбиться... – Я начал заход на посадку.

– Куда ты так смотришь? – спросила она, перехватив мой взгляд.

– Знак исчез. Я не хочу потерять из виду места, где он раньше был.

– Ладно, – согласилась она. – Если надо, я тоже спрыгну. Но ведь мы уже не сможем вернуться в Ворчуна!

Я сглотнул комок, застрявший в горле. Лишь бы не просмотреть место посадки.

– Нам надо отстегнуть привязные ремни, открыть дверцы кабины, встать на подножку и спрыгнуть. Ты справишься?

– Давай отстегнемся и откроем дверцы прямо сейчас.

Когда она открыла дверку кабины, я услышал свист ветра. В горле опять пересохло.

Она наклонилась ко мне и поцеловала.

– К посадке готова. Жду твоей команды.

Мы напряженно всматривались в приближавшуюся водную гладь.

– Приготовиться, – скомандовал я.

– Как только касаемся воды, открываю дверь и прыгаю, повторила она то, что должна сделать.

– Правильно.

– Не забудь! – сказала она, взявшись за ручку двери.

– И ты тоже, – ответил я, – как бы все это ни выглядело!

Киль Ворчуна коснулся волн. Я закрыл глаза, чтобы видимый мир не морочил мне голову.

ДВЕРЦА.

Я почувствовал, что мы одновременно распахнули дверцы, засвистел ветер.

ПРЫГАЙ!

Я прыгнул и в ту же секунду открыл глаза. Воды под нами не было. Без парашютов мы падали на Лос-Анджелес.

– ЛЕСЛИ!

Ее глаза были закрыты, рев ветра заглушил мои слова. Обман, сказал я себе, обман зрения. И в эту секунду мы словно плюхнулись на гору подушек. Мы очутились в кабине Ворчуна, золотистый свет вспыхнул и угас. Как ни в чем не бывало мы сидели за своими штурвалами.

– Ричи, получилось! – закричала Лесли, бросившись меня обнимать.

– Получилось! Ты – гений!

– Если веришь в успех, все получится, – скромно сказал я, – хотя сам не совсем был в этом уверен. Но, если она так настаивает на гениальности моего решения, подумал я, мне придется с ней согласиться.

– Ладно, ладно, – радостно воскликнула она. – Мы вернулись!

Мы летели курсом 142, стрелка магнитного компаса показывала на юго-восток, навигационные приборы тихонько гудели, шкала радиодальномера светилась, как положено. На заднем сиденьи никого не было. Среди узора улиц и крыш поблескивала только голубая вода плавательных бассейнов.

– Два борта встречным курсом, там и вон там, – сказала Лесли, указывая на два самолета, летящие вдаль.

– Вижу.

Мы одновременно посмотрели на радиопередатчик.

– Может, попробуем...

Она кивнула и на всякий случай постучала по деревяшке.

– Вызываю диспетчерскую Лос-Анджелеса, – сказал я в микрофон. – Говорит Сиберд 14 Браво. Вы видите нас на радаре?

– Вы в зоне видимости, встречным курсом 30 на север идет другой борт, расстояние две мили, высота неизвестна.

Диспетчер не спросил, куда мы запропастились на три месяца, исчезнув с его экрана, и не слышал радостных воплей, раздавшихся в кабине Ворчуна.

Лесли дотронулась до моего колена.

– Скажи, что ты видел, когда мы...

– Васильковое небо, океанское дно, расцвеченное узорами. Пай, Жан-Поль, Машара...

– Достаточно, – сказала она и покачала головой. – Значит мне это не приснилось. Все так и было.

Мы летели в аэропорт Санта-Моника, радостные, словно сегодня мы сами сотворили этот мир.

– А что, если все это правда? – спросила Лесли. – Если окружающие нас люди – это частички нашей души, а мы частички их? Как это изменит нашу жизнь?

– Хороший вопрос, – сказал я. Радиодальномер показывал 10 миль до посадки. Я начал снижаться. – Хороший вопрос...

Мы приземлились на широкой посадочной полосе аэродрома Санта-Моника, отрулили самолет на стоянку и выключили мотор. В душе я был готов к тому, что как только пропеллер остановится, мир опять куда-нибудь исчезнет, но этого не произошло. Все осталось без изменений: десятки самолетов, замерших вокруг, воздух, пропитанный морем и солнцем, гул автомобилей, доносившийся с бульвара Сентинела.

Я помог жене прыгнуть на землю. Затаив дыхание, мы стояли на поверхности наше родной планеты в нашем родном времени. Мы обнялись.

– Правда, здорово? – прошептал я ей на ухо.

Она посмотрела мне в глаза и кивнула.

Я достал из багажника нажи чемоданы. Мы зачехлили кабину и собрались идти.

На другом конце стоянки паренек, наводивший глянец на один из самолетов, бросил свое занятие, уселся в заправщик и подкатил к нам.

Лет ему было столько же, сколько и мне, когда я начинал работать на аэродроме, да и кожанка на нем была точно такая же, только над его левым нагрудным карманом было вышито имя: ДЭЙВ. И я подумал, что мне легко увидеть себя в этом пареньке. Мы многое могли бы рассказать ему о его уже исполнившемся будущем, о приключениях, поджидающих встречи с ним. Делай свой выбор, парнишка!

– Добрый день, ребята, – поздоровался он. – Добро пожаловать в Санта-Монику. Бензинчику не желаете?

Мы рассмеялись. Как странно, что теперь Ворчуна снова придется заправлять.

– Не откажемся, – ответил я. – Полет был долгим.

– И где же вы были? Я вопросительно посмотрел на жену, но она не захотела помочь мне с ответом, желая услышать, что я скажу.

– Да так, немножко прогулялись, – небрежно произнес я.

Дэйв начал заполнять бак.

– Я еще не летал на таком гидросамолете, – заявил он, но слышал, что они могут сесть где угодно. Правда?

– Что правда, то правда, – подтвердил. – Этот самолет отвезет тебя, куда твоей душе угодно.

И только по дороге в гостиницу мы наконец решились все обсудить.

– Ну, ладно, – начала Лесли, стремительно ведя взятый напрокат автомобиль по автостраде Санта-Моника. – Будем мы об этом рассказывать или нет?

– На конференции?

– Вообще.

– А что мы скажем? Пока мы летели на вашу конференцию, мы влипли в занятную историю: три месяца мы мыкались по измерению, где нет ни пространства ни времени и только изредка появляется нечто на них похожее и там мы узнали что каждый человек – это некая частица любого другого человека потому что во всей вселенной только одно единственное сознание и кстати будущее – это штука очень субъективная и делая выбор для самого себя мы выбираем то что случится со всем нашим миром спасибо за внимание и есть ли у вас вопросы?

Она рассмеялась.

– Как только в этой стране хоть десяток человек признают, что человек живет не один только раз, тут-то выступим мы и скажем «нет», у каждого на выбор бесконечное множество жизней, и все они происходят одновременно! Нет, лучше с этим не связываться. Будем держать свои знания при себе.

– Но это не новость, – сказал я. – Помнишь, что сказал Альберт Эйнштейн? Для нас, верующих физиков, разница между прошлым, настоящим и будущим – лишь иллюзия, хоть от нее и трудно отказаться.

– Это сказал Эйнштейн?

– И это еще не все! Если хочешь услышать нечто невероятное, спроси физика. Свет изгибается; пространство скручивается; часы на ракете идут медленнее, чем часы на Земле; из одной расщепленной частицы образуются две такого же размера... Мы вовсе не открываем глаза миру. Каждый, кто знаком с квантовой механикой, кто когда-нибудь играл с кошкой Шредингера...

– И сколько же любителей шредингерских кошечек ты знаешь? – спросила она. – Много ли людей коротают ночи с калькулятором, обложившись книжками по квантовой физике? Я думаю, нам не стоит об этом болтать. Не поверят. Это случилось с нами, но даже мне не верится, что все так и было.

– Дорогой мой скептик, – начал я и призадумался. А что, если это был сон, двоим редко снится одно и то же, но все-таки... эти узоры, Пай... вдруг это лишь плод воображения?

Я прищурился и начал разглядывать машины на дороге решил проверить, помогают ли нам новые знания о перспективе. Вот «Мерседес» с затемненными стеклами, а внутри мы? А вон, старенький «Шевроле» замер у развилки. В нем молодожены, тоже мы? Мы – гангстеры, спешащие по своим темным делам, готовые убивать без разбора? Очень хотелось представить, что все вокруг – это мы в разных обликах, но ничего не вышло. Каждый был сам по себе, сплошь незнакомцы в разноцветных автомобилях. Я не смог представить нас ни в роскоши, ни в нищете, хотя мы повидали и то, и другое. Мы – это мы, подумал я, и никто другой.

– Ты голоден? – спросила Лесли.

– Не ел несколько месяцев.

– Продержись еще минут пять. Пообедаем на бульваре Робертсона. Лесли прибавила газу и вскоре свернула с автострады на улицы города. Этот район она прекрасно знала еще в те времена, когда снималась в Голливуде. Но прежняя актерская жизнь, по ее словам, сейчас казалась ей более далекой, чем жизнь Леклерка.

Иногда по ночам мы смотрели старые фильмы, и , она, бывало, неожиданно начинала меня обнимать,приговаривая: "Спасибо за то, что ты меня от всего этого спас! "Но я догадывался, что подчас она скучает по былой жизни.

Ресторан оказался на прежнем месте – вегетаринский рай для некурящих любителей классической музыки. Но с тех пор, как мы уехали из Лос-Анджелеса, он стал очень популярен, и припарковать машину мы смогли только в соседнем квартале.

Быстро шагая к ресторану, Лесли повторяла: «Подумать только, я здесь когда-то жила! Сколько же жизней тому назад это было?»

– Нельзя сказать тому назад, – поправил я и взял ее за руку, чтобы чуть-чуть умерить ее пыл. – Хотя я должен признать, что жизни, идущие одна за другой, понять проще, чем их одновременное течение. Сначала древний Египет, потом монгольские ханы, покорение Дикого Запада...

Мы проходили мимо большого магазина радиоэлектроники. Его витрина была снизу доверху заставлена включенными телевизорами. Настоящее буйство телеизображений.

– ...но то, что мы недавно узнали, понять не так просто. Лесли бросила взгляд на витрину и встала как вкопанная. Я даже решил, что она забыла сумку или сломала каблук. То она несется в ресторан, умирая с голода, то принимается смотреть телевизор.

– Все жизни текут одновременно? – переспросила она, разглядывая телеэкраны. – Жизни Поля Леклерка, юного Ричарда и Машары из другой вселенной – все в один и тот же момент, а мы не можем это не то, что объяснить, даже понять для себя?

– Мм-да. Это нелегко, – согласился я. – Кстати, как ты насчет того, чтобы пообедать? Она постучала по витринному стеклу.

– Смотри.

Все телевизоры были настроены на разные каналы и показывали в тот полдень по большей части старые кинофильмы.

На одном экране Скарлетт О`Хара клялась, что больше никогда не будет голодать; на другом Клеопатра завлекала Марка Антония; под ней вихрем летали по сцене Джинджер и Фред;справа от них Брюс Ли мстил коварным врагам; а рядом капитан Керк и прелестная Палома дурачили космическое чудище.

Там было еще много интересных передач, и на каждом экране висела табличка: КУПИТЕ МЕНЯ.

– Одновременно! – воскликнул я.

– Выходит, прошлое и будущее зависит не от года на календаре, – сказала Лесли, – а от канала, на который настроен... зависит от того, что мы хотим посмотреть!

– Бесконечное число каналов, – продолжил я аналогию с витриной, – но каждый телевизор может показывать только один канал, поэтому каждый думает, что других каналов нет вообще!

Лесли показала в угол витрины.

– Новинка.

Цифровой телевизор показывал мелодраму, но в углу экрана была маленькая вставка – репортаж с авторалли.

– Ага! – догадался я. – Если мы сильно продвинуты духовно, мы можем настроиться на несколько жизней одновременно.

– А что для этого надо?

– Дороже стоять?

Она рассмеялась.

– Какой ты догадливый!

И, обнявшись, мы зашагали в ресторан.

Она открыла меню.

– Смотри, все тот же «Божественный салат»!

– Есть вещи вечные.

Она кивнула со счастливой улыбкой.

За обедом мы только и делали, что разговаривали. Витрина с телевизорами – это совпадение, или нас всегда окружают ответы, которые мы просто не замечаем? Хотя мы и были голодны, но о еде постоянно забывали.

– Это не совпадение, – сказал я. – Если призадуматься, то все вокруг может нам подсказать ответ.

– Так уж и все?

– А ты попробуй, спроси меня, – предложил я. – Назови что угодно... Я покажу тебе, чему эта вещь пытается нас научить. – Даже для меня самого это прозвучало довольно смело.

Она посмотрела на морской пейзаж, висящий на противоположной стене.

– Океан.

– В океане много капелек воды, – начал я, особо не задумываясь, эта мысль отчетливо возникла в моей голове, словно передо мной плавал кристалл, сделанный Аткиным. – Горячих и очень холодных, прозрачных и мутных, летящих в воздухе и сдавленных толщей воды. Капельки постоянно изменяются, то испаряются, то снова конденсируются. И каждая капля – это единое целое с океаном. Без океана эти капли не могут существовать. А без этих капель не могло бы быть океана. Но все они слиты воедино, их даже каплями не назовешь – ведь между ними нет границ. На капли океан делят люди.

– Здорово получилось! – воскликнула она.

Я посмотрел на скатерть с изображением карты Лос-Анджелеса.

– Улицы и автострады.

Она закрыла глаза.

– Улицы и автострады соединяют между собой разные места, но всякий водитель сам решает, куда ему поехать, медленно сказала она. – Он может поехать в прекрасный парк или в публичный дом, в университет или в бар, может по дороге умчаться за горизонт, кататься без цели туда-сюда, а может припарковать машину и вообще никуда не ехать.

Лесли со всех сторон разглядывала идею, вставшую перед ее внутренним взором, и это ее забавляло.

– Он может подобрать для себя подходящий климат и отправиться на Аляску или в Рио-де-Жанейро, вести машину осторожно или безрассудно, выбрать для себя спортивную модель, малолитражку... или грузовик, беречь свою машину или махнуть на нее рукой. Он может ехать наугад, куда глаза глядят, а может все очень точно распланировать. Но все дороги, по которым он решит прокатиться, уже были проложены до него и никуда не денутся после того, как он скроется за горизонтом. Все возможные маршруты уже существуют, и водителя нельзя от них отделить. Он сам решает, куда ему сегодня отправиться.

– Отлично сказано!

– Интересно, мы этому только что научились, задумчиво пробормотала она, – или всегда это знали, но никогда этим не пользовались? – Прежде чем я успел ответить, она решила меня снова испытать. Арифметика.

Как выяснилось, лучше всего такие сравнения у нас получались со всякими системами, интересными делами и профессиями. Программирование, съемки фильмов, коммерция, теннис, любовь к полетам, садоводство, искусство, педагогика... за каждым из призваний лежала метафора жизни, открывающая тайну строения вселенной.

– Лесли, а тебе не кажется... А мы, мы остались такими же, как и прежде?

– Не думаю, – ответила она. – Если бы мы не изменились после всего того, что случилось,

мы бы... но ты имел в виду что-то другое?

– Может, мы стали действительно другими, – тихо сказал я. – Посмотри на людей вокруг.

Она принялась рассматривать посетителей ресторана.

– Может быть, он начнет исчезать, но...

– ...мы здесь знаем всех, – подсказал я.

За соседним столиком сидела вьетнамка, благодарная доброй жестокой ненавистной и любимой Америке, полная гордости за своих дочек, лучших учениц в колледже. Мы ее понимали и гордились вместе с ней, гордились тем, что она сумела осуществить свои мечты.

А напротив четверо юнцов хохотали и хлопали друг друга по широким спинам. Они не замечали никого, кроме себя, но мечтали, чтобы на них обратили внимание, хотя сами об этом и не догадывались. Переходный возраст так болезненно тянется, что мы сами его еще не забыли, и понять этих ребят нам было очень легко.

За столиком в углу тихонько переговаривалась парочка опрятно одетых старичков. Им было что вспомнить в жизни, как приятно нам было разделить их радость, что она прошла не напрасно, и подумать о будущем, известном им одним.

– Очень странное чувство, – сказал я.

– У меня тоже, – подтвердила Лесли. – А раньше такого не было?

Во время медитации, подумал я, чувствовалось какое-то космическое единство. Но я впервые ощутил себя единым целым с окружающими меня людьми, сидя сейчас в ресторане.

– Нет, никогда.

В моей памяти ожили смутные воспоминания далекого прошлого, и, несмотря на все видимые различия между бесчисленным множеством людей, приходивших на Землю за эти годы, я ощутил, что связан с каждым из них тоненькой невидимой ниточкой.

Единственная жизнь, говорила Пай. С этим трудно спорить, подумал я, да и ни к чему, когда почувствуешь это сам.

Единственная. Незнакомцы исчезли. Это ведь те самые ребята, которыми мы были в юности, и те самые умудренные опытом старики, которыми мы станем? Сосредоточив на человеке любопытство своего сердца, мы перебрасываем к нему мостик через пропасть, разделяющую нас, и испытываем спокойную безмолвную радость от того, что мы – творцы неисчислимых жизней, полных приключений и жажды новых знаний.

Единственная. Все жители этого города тоже мы? Дебютанты и звезды Голливуда, торговцы наркотиками и полицейские, адвокаты и террористы и музыканты?

Новое понимание единства не покинуло нас, когда мы продолжили разговор. Это не секундное ощущение, а осознание истинной реальности. То, что мы видим, – это и есть наше сознание, и когда оно поднимается на новый уровень, все вокруг меняется! Мы – живые зеркала, в которых отражается каждый из живущих в этом мире.

– Я думаю, мы изменились больше, чем начинаем осознавать, – сказала Лесли.

– У меня такое чувство, что мы сидим в поезде, который мчит по рельсам со множеством стрелок. Они все время переключаются, и поезд постоянно меняет путь. Куда мы едем, где мы закончим наше путешествие?

Уже стемнело. Мы чувствовали себя, словно влюбленные, встретившиеся в раю, – мы были такими же, как всегда, но взглянули на себя в прошлом и узнали, что может случиться в жизни, поджидающих нас.

И вот мы вышли из ресторана. Обнявшись, шагнули в ночной город. По улицам неслись автомобили; мальчишка на скейте крутил вокруг нас пируэты; источая блаженство, приближалась молодая парочка; мы все шли на встречу бесконечному выбору, поджидавшему нас в эту минуту, в эту ночь, в эту жизнь.

На следующее утро, в 8:45 мы остановили машину на автостоянке, расположенной прямо в саду. Дорожка в конференц-зал лежала среди моря нарциссов, тюльпанов и гиацинтов, серебром отливали какие-то крошечные цветочки, воздух был напоен ароматом. Настоящее царство весны!

В просторном зале оказалось много окон, открывавших панораму океана. Солнце отражалось от волн, и по потолку скользили веселые узоры.

Два ряда стульев стояли широким полукругом, перед ними – небольшая трибуна с микрофоном и три светло-зеленые доски для записей.

Мы остановились у столика при входе. На нем оставались только две карточки с именами, две стопки информационных материалов, две ручки и тетрадки – наши. Мы приехали последними из тех шестидесяти, кто прибыл сюда за тысячи миль на встречу самых необычных умов планеты.

Было довольно шумно, люди знакомились между собой, какая-то женщина писала на центральной доске свое имя и тему доклада.

К трибуне подошел довольно крупный мужчина, его черную шевелюру уже чуть тронула седина.

– Здравствуйте, – решительно сказал он в микрофон, заглушая гул голосов. – Добро пожаловать в Спринг-Хилл. Похоже, что мы все уже собрались...

Он подождал, пока публика расселась. Прицепив карточки с именами, мы одновременно посмотрели на ведущего. От неожиданности комната поплыла у меня перед глазами.

Я повернулся к Лесли, она удивленно смотрела на меня.

– Ричи! Это...

Ведущий подошел к центральной доске и взял мел.

– Я надеюсь, все уже успели написать здесь темы своих докладов. Ричард и Лесли Бах, вы только что приехали, ваш доклад...

– АТКИН! – воскликнул я.

– Лучше зовите меня Гарри, – подсказал он. – Тема вашего доклада?

Мы словно вновь очутились в неведомом измерении, на фабрике идей. Он совсем не изменился, только немного постарел. Может, это был не тот Лос-Анджелес, который мы знали раньше, может, мы промахнулись...

– Нет, – сказал я, приходя в себя. – Мы не будем выступать.

На мгновение все обернулись к нам. Лица незнакомые, но...

Лесли тронула меня за руку.

– Этого не может быть, прошептала она. – Надо же, какое совпадение!

Она права. Мы получили приглашение на эту встречу от Гарри Аткина и увидели его имя на конверте еще до того, как отправились в полет. Но он был так похож на Аткина!

– Кто еще? – спросил он. – Напоминаю программу утреннего заседания. Докладчику дается максимум пятнадцать минут. После шести выступлений – пятнадцатиминутный перерыв, потом еще шесть докладов и будем обедать. Называйте ваши доклады.

Неподалеку от нас встала женщина. Аткин кивнул ей: «Да, Марша Банджери?»

– «Естественность искусственного интеллекта. Новое определение сущности человека».

Лесли наклонилась ко мне.

– Новое определение сущности человека? – прошептала она. – А тебе не напоминает?..

– Да! Но Марша Банджери – известный ученый, – прошептал я в ответ. – У нее много работ

по искусственному интеллекту. Она не может...

– Не слишком ли много совпадений? Посмотри, какие здесь будут выступления!

– Организаторы конференции просили меня сказать, – продолжал Гарри Аткин, – что на встречу в Спринг-Хилле мы пригласили шестьдесят самых неординарных умов, работающих сегодня в науке и искусстве. – Он улыбнулся... знакомая улыбка! Мы не изучали происхождение вашего интеллекта...

В зале засмеялись.

Первым было записано выступление самого Аткина:

СТРОЕНИЕ ИДЕИ. ПРИНЦИПЫ ЕЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ.

– Вас пригласили сюда потому, что вы не похожи на других. Мы заметили, что вы далеко углубились в непознанное, и хотели познакомить вас другими первопроходцами, чтобы вам не было одиноко в глубинах вселенной...

Мы с Лесли принялись читать названия докладов, и наше удивление росло.

ГРАНИЦЫ ИСЧЕЗНУТ:

ПОЯВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ НАЦИИ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ОБЛАСТИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЧАСТИЦ МЫСЛИ

МОЖЕТ ЛИ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК БЫТЬ ВЕНЦОМ ПЛОХОЙ ПРИРОДЫ?

РЕШЕНИЯ ПРИХОДЯТ К НАМ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ?

СВЕРХПРОВОДИМЫЕ СУПЕРКОМПЬЮТЕРЫ В ВОСТАНОВЛЕНИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ:

ЛЕКАРСТВО ОТ НИЩЕТЫ И ПРЕСТУПНОСТИ

ПУТИ К ИСТИНЕ:

ТАМ, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ НАУКА И РЕЛИГИЯ

КАК ИЗМЕНИТЬ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ И ЗАГЛЯНУТЬ В БУДУЩЕЕ

РОДСТВЕННИКИ НА ВЫБОР:

СЕМЬЯ В XXI ВЕКЕ

СОВПАДЕНИЯ: ВСЕЛЕННАЯ ШУТИТ НАД ЧЕЛОВЕКОМ?

– ...во время любого доклада каждый из вас, – говорил Аткин, – может подойти к доске и написать тему исследований, новые постулаты, выводы или какие-нибудь другие идеи, навеянные докладчиком. Если доска окажется полностью заполненной, сотрите верхнюю запись и сделайте свою...

НУЖНА ЛИ ЧЕЛОВЕКУ СМЕРТЬ?

НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОЙ РАСЫ – ЧЕЛОВЕКА
ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОГО

ЗНАКОМСТВО С ДЕЛЬФИНАМИ

ТВОРЧЕСТВО – АЛЬТЕРНАТИВА ВОЙНЕ И МИРУ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ:

КАРТИНА, ГДЕ КАЖДЫЙ ИМЕЕТ НЕСКОЛЬКО СУДЕБ

Прочитав это, я протер глаза. Неужели кто-то кроме нас видел картину мира? Может, мы там были уже не первыми?

Аткин достал из кармана таймер и предупредил, что пятнадцать минут пролетают незаметно. Достаточно в общих словах рассказать о результатах последних исследований и новых направлениях поиска. Подробности можно обсудить во время перерыва или новой конференции. При сигнале таймера (таймер запищал: БИП-БИП-БИП) необходимо уступить место следующему, потому что его доклад может оказаться не менее интересным.

– Через минуту приступаем. Желающие потом могут получить звуко-запись конференции.

Имена и телефоны участников указаны в брошюре. Обед в 12:15, ужин с 5 до 6. Вечернее заседание закончится в 9:15, завтра начинаем в 8:45. Больше никаких вопросов, я начинаю свой доклад.

– Идея в отличие от простой мысли имеет определенную структуру. Обратите внимание на строение ваших идей, и их качество значительно возрастет. Не верите? Припомните самую лучшую из ваших идей. А теперь закройте глаза и хорошенько ее представьте...

Я закрыл глаза и представил, что каждый из нас – частичка другого человека, то, чему мы недавно научились.

– Получше ее разглядите и поднимите руку, если, по-вашему идея заключена в словах. – Он помолчал. – В металле?.. в пустом пространстве?.. в кристалле?..

Я поднял руку.

– Теперь откройте глаза.

Открыв глаза, я увидел, что и Лесли тоже подняла руку. В зале стоял лес рук, послышался удивленный шопот и смех.

– Не случайно идея имеет четкую кристаллическую структуру. Любая удачная идея подчиняется трем правилам конструирования. На их основании можно сразу определить, будет ли эта идея работать на практике. – В зале царила полная тишина.

– Первое правило – симметрия...

В последний раз я испытывал подобное ощущение, когда включал ускорители на реактивном истребителе, – неведомая сила толкает тебя вперед все быстрее и быстрее.

В этот момент к доске подошел человек и размашисто написал: СОЗДАНИЕ И КОДИРОВАНИЕ ИДЕЙ КОМПЬЮТЕРОМ ДЛЯ ОБЩЕНИЯ С ДРУГИМ КОМПЬЮТЕРОМ. ВЗАИМОПОНИМАНИЕ БЕЗ СЛОВ.

Конечно, подумал я. Без слов! Как они нам мешали, когда мы пытались говорить с Пай о времени.

– А может, лучше между людьми? – прошептала Лесли, одновременно ведя записи. – Когда-нибудь мы сможем обойтись без языка!

– ...и четвертое правило – в идее должно быть очарование. Это самое главное. Но критерием тут может быть только... – БИП-БИП-БИП-БИП...

Слушатели разочарованно вздохнули. Аткин снова установил таймер и сошел с трибуны. К ней подлетел молодой парень, начавший говорить еще по дороге.

– Электронные нации – вовсе не эксперимент далекого будущего. Они уже появились и существуют среди нас, невидимые группы людей, живущих в разных уголках планеты, но объединенных сходными идеями и жизненными ценностями. И эта связь крепче границ любого государства...

Как одиноко нам было с нашими странными мыслями, и как радостно ощущать себя членом этой семьи незнакомцев!

– Вот бы обрадовалась Тинк, если бы знала! – прошептала Лесли.

– Конечно же, она знает. Откуда, по-твоему, пришла идея созвать эту конференцию?

– Разве Тинк не говорила, что она – наша фея идей, другой уровень нас самих?

– А где кончаемся мы, и начинают люди, сидящие в этом зале? – спросил я, прикоснувшись к руке Лесли.

Сам я ответа не знал. Где начинается и кончается наша душа, а наш ум? Где проходят границы любознательности, человечности и любви?

Сколько раз мы жалели, что тело у нас только одно! Было бы несколько, мы могли бы уйти по делам и в то же время остаться дома. Могли бы жить наедине с природой, созерцать восход солнца, растить цветы и травы, а параллельно вести суматошную городскую жизнь, спешить на

лекции и выступить с докладами. Одного тела мало, чтобы знакомиться с новыми людьми и оставаться при этом наедине с любимой, выучить все языки мира, научиться самому и научить других всему тому, что хотелось бы уметь, работать до изнеможения и бездельничать недели напролет.

– ...оказалось, что граждане этих невидимых наций преданней относятся друг к другу, чем к странам, в которых они живут. Им не нужны личные встречи для того, чтобы полюбить своих братьев по новой нации за их талант, характер...

– Да это же мы сами, нас отличает только тело! – прошептала Лесли. – Они хотели научиться летать на самолете, за них это сделали мы. Мы мечтали поболтать с дельфинами, изучить частицы мысли, они это делают за нас! Люди, любящие одно и то же, близки друг другу на любом расстоянии!

БИП-БИП-БИП...

– ...любящие одно и то же, близки друг другу на любом расстоянии!

– закончил докладчик и отошел от микрофона.

Мы переглянулись и захлопали ему вместе со всеми. На трибуну встала женщина.

– Элементарные частицы материи состоят из энергии, – начала она,

– а элементарные заряды энергии, по всей видимости, состоят из мысли. Мы провели серию экспериментов, которые дают основания предполагать, что окружающий нас мир в буквальном смысле создан силой мысли. Мы зафиксировали частицу, названную нами «мыслин»...

Все меньше чистых страниц оставалось в наших блокнотах. Всякий раз казалось, что таймер звонит слишком рано, но его сигнал обещал нам новые открытия. Сколько мы услышали и узнали. Сколько поразительных идей витало в этом зале!

Одна-единственная душа. А мы – ее частички, думал я. Тут я заметил, что Лесли смотрит на меня в упор.

– Нам есть, что рассказать. Как мы будем жить, если этого не сделаем?

Я улыбнулся, мой дорогой скептик.

– ...в разнообразии четко прослеживается это поразительное единство, – говорил докладчик. – Мы часто замечали, что результаты получались именно такими, какими мы их себе представляли...

Я подошел к центральной доске и крупно написал то, о чем мы будем рассказывать в наши пятнадцать минут.

ЕДИНСТВЕННАЯ.

Положив мел, я сел рядом с женой и взял ее за руку. День еще только начинался.